

Зинзивер № 3 (141) 2024

2024
Санкт-Петербург

ЖУРНАЛ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ XXI ВЕКА, СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА
И ХОЛДИНГА «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГ»

**Издатель Холдинговая компания «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)**

Председатель Редакционного совета
Тамара Буковская

Главный редактор
Евгений Степанов

Заместитель главного редактора
Ольга Денисова (проза)

Заместитель главного редактора
Ольга Ефимова (поэзия, критика)

Редакция:
Максим Жуков (электронная версия)

Галина Илюхина

Сергей Киулин

Фёдор Мальцев

Валерий Мишин

Ирина Ракитина (верстка)

Адрес:
Россия, 115230, Москва, Хлебозаводской проезд, д. 7, стр. 9, офис № 12 (7 этаж)
Союз писателей XXI века, издательство «Вест-Консалтинг», редакция журнала «Зинзивер»
Степанову Евгению Викторовичу

E-mail: zinzivier@mail.ru

Сайт журнала
<https://www.zinziver.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка главного редактора</i>	5
---	---

ПОЭЗИЯ

Валерий СКОБЛО. Дождаться ответа. Стихотворения	6
Евгений ЛЕСИН. Скажите мне, в какой стране. Стихотворения	14
Константин КЕДРОВ-ЧЕЛИЩЕВ. Золотое сечение. Поэма	20
Нина КРАСНОВА. Дни поэзии в Быково, в «Сосновом Пегасе». Стихотворения	27
Софья РЭМ. Мой дом. Стихотворения	31
Евгений СТЕПАНОВ. Сидя на скамейке. Стихотворения	41

ПРОЗА

Олег РЯБОВ. Два рассказа	44
Эвелина АЗАЕВА. Бонита. Рассказ	52
Владимир НИКОЛАЕВ. Обмен. Рассказ	56

ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА

Елена ВЯХЯКУОПУС. Из цикла «Психологи тоже люди»	59
--	----

РЕЦЕНЗИИ

Вячеслав Харченко, «Русалка» (Ольга ЕФИМОВА)	
Николай Хлестов, «Лестница» (Вера КИУЛИНА)	
Сергей Попов, «Прямая наводка» (Ольга ЕФИМОВА)	73

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели и коллеги!

В следующем году нашему журналу исполнится двадцать лет. Мы вступаем в пору литературной молодости. И надеемся, что произведения, напечатанные в «Зинзивере», не оставят вас равнодушными.

Конечно, трудно издавать журнал без моего друга Владимира Шпакова, который многие годы (вплоть до своей безвременной и трагической кончины) был моим главным сподвижником. Но мы стараемся сделать все, чтобы «Зинзивер» существовал. На благо русской литературы.

Оставайтесь с нами!

Евгений СТЕПАНОВ

Поэт, прозаик, публицист. Родился в 1947 году в Ленинграде. Окончил матмех ЛГУ. Работал научным сотрудником в НИИ Ленинграда-Петербурга. Научные труды в области прикладной математики, радиофизики, оптики. Сборники стихов «Взгляд в темноту» (СПб, 1992), «Записки вашего современника» (СПб, 2011), «О воде и воле» (СПб, 2015), «За тайной печатью» (СПб, 2017), «Отплытие» (Торонто, 2022). Член Союза писателей Санкт-Петербурга (с 1993). Стихи, проза, публицистика публиковались в российской и зарубежной (Англия, Беларусь, Болгария, Германия, Дания, Израиль, Ирландия, Канада, Казахстан, США, Украина, Финляндия, Франция, Эстония и др.) литературной периодике. Основные публикации последних десяти лет в журналах: «Арион», «День и ночь», «Звезда», «Зеркало», «Зинзивер», «Иерусалимский журнал», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Нева», «Новая Юность», «Новый берег», «Новый журнал», «Новый мир», «Новый свет», «Сибирские огни», «Слово\Word», «Урал», «Номо Legens», «Юность», билингве «Антология русской поэзии начала XXI века» (УМСА-Press) и многих других. Лауреат премии им. Анны Ахматовой (М., 2012), финалист международных конкурсов стихотворного перевода «С севера на восток» (Хельсинки, 2013 и 2016), дипломант литературной премии им. А. А. Ахматовой (СПб, 2015), 4-е место читательского рейтинга Журнального Зала за 2019 г., лауреат международной премии им. Э. Хемингуэя (Торонто, 2020), лауреат журнала «Чайка» за 2021 г. (номинация «Поэзия», Вашингтон). Живет в Санкт-Петербурге.

ДОЖДАТЬСЯ ОТВЕТА

* * *

Терпение — вот, на чем держится
мир, окружающий нас.
Упорном терпении... шаге его черепашьем.
И нашем... и чем-то,
его превышающем в тысячи раз,
Воловьём терпении, с коим
мы землю бесплодную пашем.

Кому это нужно? — себя...
ну, а лучше другого спроси.
Дождаться ответа — уже непростая наука...
Покуда Земля не качнется
на хрупкой незримой оси,
Пока ты в ответ не услышишь
подобие некого звука.

Не вникнуть тебе, хоть умри,
ни в музыку движенья планет,
Ни в прелести рая,
тем более — в ужасы ада.
Уходишь отсюда,
достойный совсем и не жалости, нет —
Томительно-долгого, чуткого
и терпеливого взгляда.

ВИЗСОЦ

* * *

Несколько слов я хотел бы сказать напоследок
Не для дачных соседей... даже не для соседок.
И не для теней, чей шепот все более вятен.
Не для лиц на стене из темных и светлых пятен,
Не призракам, нашу жизнь населяющим плотно,
Нет — птицам небесным, щебечущим беззаботно.
Кто, меня услышав, редкое верное слово
Передадут по кругу, повторяя все снова.

* * *

Думаю, сам я — не маленький человек,
И Акакий Акакиевич симпатичен мне не очень.
Вот и Ной не брал таких с собою в ковчег,
Хотя посадил без счета кошек, собак и тварей прочих.

Жалость?.. Но с подозрением к ней относясь,
Не отпускаю на счет сей совсем уже пошлые шутки.
Есть какая-то неуловимая связь
Между мельчайшим чиновником и полицейским из будки.

Вышел я вовсе не из шинельки... отнюдь.
Что мне теперь-то она в убеленных сединами летах?
Стань отщепенцем — и тогда жалким не будь.
Выхода нету? — ищи утешенья в библейских сюжетах.

Не утратил еще ощущение пути,
Пусть и покажется на какой-то момент: песенка спета.
Жизнь — это опыт известно чего... прости!..
Гоголь с жалостью улыбнется мне из-под стекла с портрета.

* * *

Ношу значок со статуей Аполлона
(Голый мужчина — как говорил мой внук).
Для меня он не то, чтобы был икона,
А типа такой старый и верный друг.

Но совсем не влиятельный, не при месте.
Я не знаю, право, какой с него прок?
И хотя в кабинет с ним заходим вместе,
Он никто для главреда — значок и значок.

Выхожу на дорогу, и он со мною.
Я один, и он совершенно один.
Неподвластны стуже, ливням и зною...
Чем-то связаны в пору лихих годин.

* * *

Перейдя через некую грань,
Ты свыкаешься с жизнью земною.
Что в ней высшая ценность, что дрянь,
Да и есть ли в ней нечто дрянное? —

Представляешь не так, как вчера...
До тех пор, пока — имя открою —
Ангел Грусти, не скажет: Пора...
И тебя поведет за собою.

* * *

В этом пейзаже нет его. Он исчез.
И, честно сказать, хуже не стало без.
Пусть он знал, что Паскаль прозывался Блез.

И вот он вычеркнут из домовых книг,
Из базы данных. Стал просто ответ... блик.
Кто теперь вспомнит: жил здесь один старик.

Порою чувствовал он чужую боль,
Не приставал, не потреблял алкоголь.
Стал не привидение, а полный ноль.

И при жизни он не был ничей кумир.
Кто ни уходит — не оскудеет мир.
В этом пейзаже не остается дыр.

Не говорил, что все на свете фигня.
Перед концом царство сменял на коня.
Но это пока еще не про меня.

* * *

Если умру я — какая печаль?
Мне и не грустно нисколько.
Разве, что Таню немного мне жаль.
Разве, что Таню. И только.

С матерью вместе и вместе с отцом
Лежать под одной плитой.
Таня, уж ты здесь держись молодцом,
Если чего-то я стою.

Это не страшно совсем — ты поверь.
Боялся — больше не трушу.
Только ценою утрат и потерь
Мы все обретаем душу.

Да, только этою горькой ценой,
Нашим последним секретом...
Легкой расплатой и тяжелой виной.
...И что мы знаем об этом?

* * *

Я сижу в кресле на своем участке,
Здесь бывают гости, но очень нечасто.
В городе — жарынь, ковид, все такое...
Им ведь не скажешь: оставьте нас в покое.
А здесь хорошо, даже когда ненастно.
Можно вздохнуть, и жара не полновластна.
И можно подумать, что — час неровен —
Есть еще время для всяких пустяковин,
И что в жизни все было не случайно...
Надо мною парит озерная чайка.
Я смотрю на нее в робкой надежде,
Что время кончится не раньше... не прежде...

* * *

Вот стихи... Существа безответные,
Даже жалкие в чем-то до слез.
Подзаборные... полузапретные...
Кто же их принимает всерьез?

Между тем — как дома монолитные,
В них сплавляются строчки в одно.
Как их автор — совсем беззащитные,
Пусть покажется это смешно.

Но не то, чтоб до громкого хохота.
Это был бы большой перебор.
Я из собственных жизни и опыта
О стихах здесь веду разговор.

Стих примите, всю зыбкую речь его,
Или шлите, известно куда.
Мне добавить к нему, в общем, нечего,
И теперь это ваша беда.

* * *

Что ты мне дал?.. Что дал мне?.. —
спросила его она.
На что мне твоя любовь?
Зачем мне она нужна?

Пробовал мое сердце
открыть золотым ключом?
В конце-то концов, и любовник
ты был — ни о чем.

Идеи твои... мысли,
венчал которые стих...
Наслушалась выше крыши —
да что пользы мне с них?

Фантазии, разговоры
о Боге и о душе...
Все для наивных дурочек —
надоели уже.

Зачем тебя слушала
 в самом начале начал?
...Ничего не ответил,
 лишь головой покачал.

* * *

Все не так страшно,
 как кажется иногда моей дочке...
Жизнь — как дирижабль
 в цельнометаллической оболочке,
Может вспыхнуть в любой момент,
 рассыпаться фейерверком.
Пламя пойдет низом,
 а потом плотной стеною — верхом.
Просто жизнь твою
 тающим угольком выстрелит в небо,
Точно сгусток
 любви и ненависти, боли и гнева.
Ужас делает душу
 податливой или суровой.
Астроном будет рад
 зафиксировать вспышку Сверхновой.
Все не так уж и жутко...
 делов-то — сердечная смута.
Все много страшнее...
 Намекнешь ли на это кому-то?

* * *

Господи, прими меня!
Будь со мной в моей печали.
В свете Твоего огня
Головешка я?.. Свеча ли?

Господи, позволь войти
(Гирями застыли ноги),
Сделать шаг в конце пути,
Не споткнуться на пороге.

Господи, шагнуть в Твой сад —
Непосильная задача...
...Или отошли назад,
Соболезнуя и плача.

* * *

Не верь, не слушай, не гордись!..
А. С. Хомяков. «Россия» (1839)

«Не верь, не слушай, не гордись!..» —
наш Хомяков просил
Почти что двести лет назад,
хоть был славянофил.

Не верь газетам — ни одной:
все, как одна, нам врут.
Искать там правду — что за бред? —
артель «Напрасный труд».

Не слушай радио: зачем?
там тоже правды нет.
Что изменилось, — мне ответь —
за эти двести лет?

И телевизор не велел
нам Хомяков смотреть.
Там даже полуправды — ну...
ну, максимум, на треть.

А что касасямо Сети... —
то этот Хомяков
В нее ни разу... ни ногой:
мол, нету дураков.

Святую Истину ищи...
ищи пока живой,
Но ты дерзай ее постичь
своею головой.

Но и постигнув — не гордись...
Не зря он так изрек.
Хоть был простой славянофил,
а вовсе не пророк.

* * *

Триумфальное шествие олухов,
Что не знает своих берегов...
Горизонт загорелся от сполохов:
Отражают там козни врагов.

Выпекают там сладкие булочки,
И медовые точат слова,
Что забили проспекты и улочки.
После них не расти хоть трава.

И она не растет на пожарищах,
Там, где умники жили вчера.
Им, не числя в друзьях и товарищах,
Собирайтесь, — сказали, — пора.

Поступь глупости победоносная,
У нее так чеканны шаги.
Величавая... грозная... постная —
Как увидишь, так сразу беги.

Грубый хлеб с отрубями и плесенью
Большинству предназначен судьбой.
Не для олухов он, прущих с песнями —
Для простых дураков: нас с тобой.

Поэт. Родился в 1965 году в Москве. Учился в Московском институте стали и сплавов, служил в Советской армии, работал инженером-технологом и химиком в котельной. В 1990-м поступил в Литературный институт имени А. М. Горького. После окончания института, с 1995 года, служил в газете «Книжное обозрение». С 2002-го — в «Независимой газете», книжном приложении «НГ — ExLibris». Автор книг «Записки из похмелья» (2000), «Русские вопли» (2005), «По кабакам и мирам» (2007, совместно с Ольгой Лукас), «Недобор» (2009, совместно с Всеволодом Емелиным), «Легенды и мифы Древней Греции» (2009) и др. Живет в Москве.

СКАЖИТЕ МНЕ, В КАКОЙ СТРАНЕ

ТРЕПЕТАЛА

На окне сидели кошки,
Под окном грустили мышки.
Барабашка понарошке
Дула в желтые подмышки.

Понарошка трепетала.
И подмышки убирала.

ПАРАД

Нет ни супа, ни салата.
Нет ни крема, ни брюле.
У тебя ума палата.
У меня парад-алле.

* * *

Ночь вино еды навалом
Нет звонков от алкашей
Девка спит под одеялом
Улыбаясь до ушей

Обнаженная коленка
Тапочки колода карт
То ли людка то ли ленка
То ли просто снова март

февраль 1997

* * *

Надрывается апрель,
Лето красное грядет.
А безмозглая форель
Разбивается об лед.

28.08.2002

БАЛЛАДА О ЦЕНАХ БЫЛЫХ ВРЕМЕН

Скажите мне, в какой стране
От чисел так светлеют лица?
Увы, все в прошлом, где оне,
4.70, 5.30?

О них забыть не так-то просто,
Пока вращается земля.
Где колбаса 2.90?
И где портвейн за три рубля?

Где пиво льется через край?
Где килька плавает в томате?
За три копейки где трамвай
И газировка в автомате?

Где «Правда» — опиум народа?
И для чего нам конопля?
К чему какая-то свобода?
О, где портвейн за три рубля?

Где парт- и проф- и проч. -ячейки?
Где «Омут», «Яма» и «Желток»?
Где телефон за две копейки?
И где метро за пятак?

Где инженеры и студенты,
Что ежегодно — на поля?
Где дворники-интеллигенты?
И где портвейн за три рубля?

Посылка:

И нет нам счастья в комсомоле,
Как говорил Эмиль Золя,
На свете есть покой и воля,
Но где портвейн за три рубля?

1992

* * *

Что глядишь вокруг белым личиком?
Что ты вынула синий бюст?
Глядь, по винтикам, по кирпичикам
Разобрали Советский Союз.

Разобрали, скормили птичкам,
Никаких тебе полумер.
И по винтикам, по кирпичикам
Разчирикали СССР.

* * *

Отправился утром в лес,
Гляжу: старуха седая.
А ей наперерез
Старуха другая.
Та с клюкой
И другая с клюкой.
Ох, будет сейчас мордобой!..

ИЗ РУССКОГО ПОХОРОННОГО ЦИКЛА (2006)

I

Говорят, Москва была
И до нашего рожденья.
Наливались купола,
Совершались прегрешенья.

Речки бурные текли,
Речки тихие журчали.
Девки пели и цвели,
А качели их качали.

По Москве-реке — сады.
На Москве-реке — купанья.
То кораблики, то льды,
Встречи или расставанья.

Будет снег и будет гром,
И весна на белом свете.
Говорят, что мы умрем,
А Москва и не заметит.

II

Пей, не пей — не станет легче,
А здоровье убывает.
Говорят, что время лечит.
А оно лишь убивает.

III

иногда так плохо
что стихи сочиняю сочиняю
а потом забываю
ну и ладно

ИЗ «РУССКОГО БОЛЬНИЧНОГО ЦИКЛА – 2» (2007–2019)

I

Налетели белые метели.
Холодно и весело в Москве.
Медсестра сидела у постели,
Гладила тебя по голове.

Да какая дальняя дорога?
Дом казенный, дней не перечесть.
Очень плохо, если нету бога,
Но гораздо хуже, если есть.

Что поделать, в теле еле-еле
Мечется душа, поставь на вид:
Медсестра присела у постели,
Медсестра спасет, а врач простит.

II

А если бы лето, то к уткам на пруд
Пошел бы, ведь летом так поздно темнеет.
Трамвай не идет, и вагон сатанеет.
А люди зачем-то спасения ждут.

Какое такое спасенье? Забудь.
Несчастья из плошки и горе из кружки.
У бога смешные живые игрушки.
Уж если родился — живи как-нибудь.

III

Бесполезное рождество
И ненужная моря гладь.
То веду гулять одного,
То другую веду гулять.

Вот такие и плеть и клеть
И заветом на всю тетрадь:
Совершенно нельзя болеть
И совсем нельзя умирать.

* * *

Чинил компьютер топором
И сожалел о том потом.

ИЗ ЦИКЛА «ПЛОХИЕ СТИХИ»

Вынося из неба остатки смысла,
Уходя от Бога дорогой смерти.
Только дурак берет коромысло
И, не понимая зачем, головою вертит.

Голося с порога дурные вести,
Принося сумятицу в каждый повод.
Только умный сиднем сидит на месте,
Потому что молчание – лучший довод.

Занеся топор над твоею речью,
Голося уныло огнем последним.
Не ходи, мой маленький, под картечью,
Видишь, пастор уже всех зовет к обедне.

Поэт, критик, издатель. Родился в 1942 году в Рыбинске. Окончил историко-филологический факультет Казанского университета и аспирантуру Литературного института имени А. М. Горького. Кандидат филологических наук, доктор философских наук, профессор Литературного института имени А. М. Горького. Издатель и главный редактор «Журнала ПОэтов», член редколлегии журнала «Дети Ра», член Союза писателей XXI века. Автор многочисленных книг и публикаций. Живет в Москве.

ЗОЛОТОЕ СЕЧЕНИЕ

(Поэма)

Пифагор нам оставил учение
Подарил золотое сечение

Коль тебя на конюшне секут
Значит что-то в тебе не секут

Пусть живет золотое сечение
Обрекая меня на мучения

Христианского мира мечта
Золотое сечение креста

Я однажды увидел свечение
В глубине золотого сечения

Я ли, ты ли, и ты ли, и я ли
Друг для друга светили сияли

Неужели распалось распятие
Не увижу отныне опять ее

Знаю я, мой вопрос неприличен
Потому что наш мир гармоничен

Повторяю в последней агонии
Что наш мир подчинялся гармонии

Уходя в золотое сечение
Оставляю сие изречение

Я твой вечный жених нареченный
Изреченный и неизреченный

Знаю я, что мое назначение
Сохранить золотое сечение

Знаю я, что мое назначение
Воссоздать золотое сечение

Было счастье, но кончилось счастье
Крест распался. Распался на части
Но остался и смысл и значение
Золотое осталось сечение

Знаю точно, что сходятся в нас
Две вершины — Фавор и Парнас

Мы с тобой в бесконечном трансе
В глубине ужасной эпохи
На Голгофе как на Парнасе
На Парнасе как на Голгофе

Вспоминай меня, вспоминай
На вершине горы Синай
Ну а я тебя вспоминаю
Восходя к твоему Синаю

Нет, не выйти нам из рейшины
Где сошлись четыре вершины

Все вершины важны для нас
Но важнее всего Парнас

Знаю я, до вершин Парнаса
Не поднимется даже НАСА

Наша встреча полна значенья
В глубине золотого сеченья

Палиндром Константин-Елена
Понимает даже кретин
Палиндром Константин-Елена
И Елена и Константин

Посреди мирового содома
Нам не выйти из палиндрома

Знаю я, что наш палиндром
Вечной жизни аэродром

Знаю, жизнь не завершена
Ведь задача не решена
Три к семи, и семи к трем
Это наш бесконечный стрем

Вдвоем мы в этот лес вошли
Друг друга навсегда нашли

Среди деревьев и небес
И нас нашел тогда тот лес

Там в нас с тобой вошел тот лес
С тобою умер и воскрес

У книги жизни есть границы
Я вырываю те страницы
Тебя отчаянно любя
Где я один и без тебя

Жизнь выставлена на Авито
Все сказано и все забыто

Этот сон он конечно не нов
Снится он жениху и невесте
Скоро в банк накопившихся снов
Сдан и этот что жили мы вместе

Знаю, что не бывает во сне
Вызреваю в космических недрах
Сдам и этот что будто в Москве
Жил поэт по фамилии Кедров

Будто мы с Вознесенским Андреем
Выступаем на сцене Таганки
И доньше мы в космосе реем
Сочиняем небесные танки

Будто вместе с Сергеем Капицей
Продолжаем мудрить над Эйнштейном
Будто это еще повторится
С Вознесенским и снова с Капицей

И с Кацюбой в блаженстве семейном
Что еще бы могло мне присниться
Это знает Андрей и Капица
Это знает Елена Кацюба
И Гекуба.
Но что мне Гекуба

Будет смыто волнами цунами
Все что с нами и все что не с нами
Все уйдет в бесконечную бездну...
Ну а я никогда не исчезну

Сны смываются новыми снами
Но навеки останутся с нами

Повторяя мой стих слово в слово
Я приснюсь тебе снова и снова

Где ангел Божий? Где ангел Божий?
Тревожно мне от ваших безбожий.
Ваши спортивные состязания
Больше похожи на истязания

Зайди во Вкусвилл
Почувствуй вкус вил

Мой стих исходит из парадокса:
Мозг не для бокса, мозг не для бокса

Душа иззябла душа промозгла
Мозг не для бокса, бокс не для мозга

В небесный колледж меня зачисли
Мозг не для бокса, бокс не для мысли

Прими нас, Боже, в свою обитель
Где я мыслитель и ты мыслитель

Нет, не для злобы дано нам чувство
А для поэзии, для искусства

В ГУЛАГ запрятан бессмертный гений
Творец прозрений и вдохновений

За что нам бедным подарен мозг
Об этом знают лишь Бог и Босх

Опять ликует создатель Ада
Олимпиада! Олимпиада!

Говорил среди горилл
Только правду говорил
Правда нравилась гориллам
Я об этом говорил им

Говорил среди садов
В окружение умных вдов
Вдовы мне всегда внимали
Ничего не понимали

Говорил среди людей
Было множество идей
Людям нравились идеи
От идей они балдели

Вот таков судьбы удел
Я и сам от них балдел

Говорил весь мир любя
Для тебя и для себя

Все что нравилось тебе
Я оставил при себе

Говорил тебя любя
При тебя и про себя

Ныне вслух и про себя
Говорю тебя любя

Слово сказанное вслух
Предназначено для двух
Но и вслух и про себя
Говорю: люблю тебя!

Говорил среди небес
В алтаре Христос Воскрес!
Отвечал Христос с небес
Что Воистину воскрес

Приближаясь к алтарю
Только правду говорю

Православие — не звание
А великое призвание

Я поэт. Мое призвание
Каждому в любви признание

Бессловесный и словесный
Суд земной и суд небесный

Я как из комнаты вышел
Как будто кто-то обидел
Я видел тебя, я слышал
Я слышал тебя, я видел

Вернуться в пустую нишу
Не дальше быть и не ближе
Я вижу тебя, я слышу
Я слышу тебя и вижу

Есть тайна исчезновения
Такая страшная тайна
Мгновенье! Еще мгновение!
Жизнь кончилась моментально

Ноги меня не слушаются
Руки меня не слушаются
Только кудахчет курица
Может быть просто скурвится

Звучит одна из римских складух
В здоровом теле здоровый дух
Но продолжается то и дело
То дух здоров не здорово тело

Вот из этаких нескладух
В целом складывается дело

Будь mens sana in corpore sano
Будь поэтом высшего сана

В здоровом теле здоровый дух
Один болею, а ем за двух

Граф Пато играл в лото
Удивительный был граф
Он поведал нам про то
Я из праха, но не прах

Куда девались все эпохи?
Все эти вздохи, ахи, охи
И что осталось от эпох
Дыханье — ах, дыханье — ох

Нет я далек от утвержденья
Что жизнь сплошное наважденье
Но есть такое убежденье
Что смерть дана как наважденье

Недоуменье — мягко сказано
Но смерть мне противопоказана

Жизнь надо продолжать
И я шепчу устало
Жизнь надо продолжать
Во что бы то ни стало

2 августа 2024 г.

Поэт. Родилась в Рязани. Стихи пишет с семи лет. Окончила Литературный институт им. А.М. Горького (семинар Евгения Долматовского). В 1979 году выпустила первую книгу стихов «Разбег» (в «Советском писателе») и в 1980 году была принята с нею в Союз писателей СССР. Печаталась в журналах «Юность», «Москва», «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Студенческий меридиан», «Крокодил», «Обозреватель», «Время и мы» (Нью-Йорк — Москва), «Наша улица», «Дети Ра», «Зинзивер», «Крещатик», «Другие», в альманахах «Поэзия», «День поэзии», «Московский год поэзии», «Истоки», «Кольцо А», «ЛитРос», «Русский смех», «Золотое руно», «Муза», «Эолова арфа», «Литературная Рязань», «Утро», «Под небом рязанским», «Чаша круговая», «Сура» и т.д., в газетах «Литературная Россия», «Литературная газета», «Независимая газета», «Московский комсомолец», «Книжное обозрение», «День литературы», «Завтра», «Слово», «Россия», «Россия», «Экспресс-газета», «Литературные известия», «Поэтоград», «Литературная гостиная» и т.д., в разных коллективных сборниках и антологиях, в том числе в антологиях «Поэзия. XX век», «Поэзия. XXI век», «Жанры и строфы современной русской поэзии». Автор более 30 книг стихов и эссеистической прозы. Основатель и главный редактор альманаха «Эолова арфа». Член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века, Русского ПЕН-клуба, Союза писателей Северной Америки... и т.д. Лауреат премии им. Анны Ахматовой, им. Николая Рубцова «Звезда полей», международных премий им. Де Ришелье «Изумрудный Дюк», «Бриллиантовый Дюк», им. Анны Григорьевны Сниткиной-Достоевской, им. Леонида Осиповича Утёсова «Старая пластинка» (Монреаль — Нью-Йорк — Одесса), а также премий Арт-фестиваля «Движение» (за вклад в мировую культуру), «Писатель XXI века», «Парабола», обладатель спецприза Фонда им. Андрея Вознесенского «За талант». Академик МАРЛИ (Международной Академии Развития Литературы и Искусства, Нью-Йорк). С 1992 года живет в Москве.

ДНИ ПОЭЗИИ В БЫКОВО, В «СОСНОВОМ ПЕГАСЕ»

Пегасовцам во главе с Евгением Степановым

СТИХОТВОРЧЕСТВО ПРИ СВЕТЕ ПОЭЗИИ

1. Вариант от множественного лица

Мы в Быкове не сеем, не пашем,
А сидим за рабочим столом,
Кто с компьютером, кто со стилем,
И стихи круглосуточно пишем.
Свет поэзии здесь не погас.
Нас в Быково привозит Пегас.

2. Вариант от единственного лица

Я в Быкове сижу за столом
Со смартфоном своим и стилем.
Я не сею здесь, не пашу,
А стихи сочиняю, пишу.
Здесь поэзии свет не погас.
Здесь катает меня Пегас.

*4 августа 2024 г.,
Москва (по воспоминаниям о Быково и «Сосновом Пегасе»)*

ПРАВАЯ РУКА

Я ЖЕ НИНА,
Я ЖЕНИНА
правая рука
и «третье (его) плечо».

*5 июня 2016 г.,
Москва*

ОТВЕТ НА БАНКУ ВАРЕНЬЯ

Женечке Степанову

1.

Варенье крыжовное ты сварил —
Чудо съедобное сотворил.

2.

Прими мое признаньице устное:
Твое вареньице очень вкусное!

И в том прими мои увереньица,
Что лучше нет твоего вареньица!

*15 октября 2015 г.,
Москва, 12 часов ночи*

ОТВЕТ НА БАНКУ МАРИНОВАННЫХ ОГУРЦОВ И НА БЛЮДО ХОШЛАВА

Сергею Тарасову

1.

Скажу тебе какие хошь слова —
Хвалебные! За блюдо хошлава,
Каково я вкуснее не едала
И ни во сне, ни в жизни не видала.

2.

Нет в ресторане огурцов таких в меню,
Какие летом маринуешь ты на даче.
Я ресторану это все в вину вменю.
Их по твоим рецептам делать надо, не иначе.

3.

С тобою пиво я не раз пивала,
А после с пива песни распевала.

*1 августа 2016 г.,
Москва*

ПЕГАС

*Хозяину «Соснового Пегаса»
Евгению Степанову*

Запряги Пегаса белой масти
Со своим особенным тавром.
Творчество должно на первом месте
Для поэта быть, не на втором.

На втором, на пятом и десятом
Все другое вечно быть должно,
Это ясно даже и детям,
Это ясно детям даже, но

Если по причине той и этой
Ты нарушишь мест порядок, да? —
Песенку твою считая спетой,
От тебя сбежит Пегас тогда.

2006 г., Москва (за много лет до поездки в Быково)

ПЕГАСОВЦЫ

Воздух в «Сосновом Пегасе» чист!
Свет поэзии ярок, лучист!
Здесь поэты поэзией пышут
И стихи гениальные пишут!

Р. S.

Здесь Степанов поэзией пышет
И стихи гениальные пишет!
Здесь Краснова поэзией пышет
И стихи бесподобные пишет!
Здесь Тарасов поэзией пышет
И стихи круглосуточно пишет!

Здесь и Ольга Ефимова пишет,
Потому что поэзией пышет.
Здесь и Пушкин-нью-йорковец* пишет,
Потому что поэзией пышет.

P. P. S.

Мы в Быкове поэзией пишем
И стихи за стихами пишем,
О Быкове в Быкове пишем,
О «Сосновом Пегасе» пишем,
Потому что поэзией пишем!

*11 августа 2024 г.,
Москва*

P. P. P. S.

Все в Быкове поэзией пышет.
Здесь стихи и петух напишет
Не гусиным своим пером —
Петушиным своим пером...
Их не вырубишь топором.

*12 августа 2024 г.,
Москва (по воспоминаниям о Быково и «Сосновом Пегасе»)*

* Под Пушкиным-нью-йорковцем имеется в виду потомок Солнца Русской поэзии Александра Сергеевича Пушкина — Александр Александрович Пушкин, коренной москвич из Нью-Йорка, редактор журнала «СЛОВО/WORD». — **Н. К.**

Поэт, художник, член Союза писателей XXI века. Родилась в 1992 году в г. Иваново. Публиковалась как поэт в журналах «Дети Ра», «Зинзивер», альманахе «Другие», газетах «Литературные известия», «Поэтоград». Автор нескольких книг. Лауреат премии газеты «Литературные известия» и премии журнала «Зинзивер» за 2016 год, Всероссийского конкурса-фестиваля литературного и художественного авангарда «Лапа Азора» в номинации «Тень звука» (визуальная поэзия), 2016.

МОЙ ДОМ

* * *

Как это назвать
и во что это выльется?
Что узнав, навсегда изменюсь в лице я?
Эфиоп становится ангелом, смывая пыль с лица,
Поэзия как панацея,
Попытка летать,
Отдать
то, чего у тебя нет,
Как Пушкин в садах лица
Спустя 220 лет.

Рождение русской речи из звуков ночи,
Которые все — не очень,
А вместе похожи на райские кущи,
Но только в одной комбинации.
Имя Пушкин —
Последний фундамент нации,
Ее надежда остаться,
Ее первая конституция.

Хотел пустых небес, но не смог
Одиноко
Сойти с ума, хотя сидел под замком.

Так на вопрос пророка
Всегда отвечает Бог,
И пророк идет говорить его языком.

* * *

...Но все слова, произнесенные
За эти трудные года,
Перед твоей душой смятенною
Возьмут и встанут в день суда.

Пустой молитвы череп тленный,
И ложь с лицом нетопыря,
И брани труп одушевленный,
И злобный гений слова «я».

Заполнят площадь завокзальную,
Как смерч над свалкою, летать
Пойдут. И музыкой кандальной
Продолжат ангелов терзать,

С укором страшным в полночь глядя,
Задаст любой из тех словес
Жестокий свой вопрос: мол, дядя,
Зачем меня ты произнес?

И жизнь, промолвленная всуе,
Блеснет, как будто ветер стих,
Лишь далеко мелькнет в лазури
Мой слабый и недолгий стих.

* * *

Спит снайпер. Окопная ночь коротка.
Кем был в жизни прошлой держатель курка?
О чем он вздыхает во сне мелодично и быстро?
Погаснут глаза, оборвется строка,
И ноги ослабнут, увы, но рука
Всегда до конца остается рукой пианиста.

И он просыпается. Пыльная жуть,
Победный рассвет, ядовитый, как ртуть,
И праздничный день, и концертный пожар воскресенья.
Рояль свой, «Эстония», вспомнить,
Так крест сотворить, будто к крышке тянуть
Запястье — и есть
непременный источник спасенья.

* * *

Быстрее вешнего ручья
И тоньше медной нити,
Стремглав бежала жизнь ничья,
Без швов и без событий,
Сплошной ниткою стежка
Собой изображая
Простое таянье снежка,
Как будто мне чужая.

Но самолетным окном,
Как некий терминатор,
Глядело облако с лицом
На мой иллюминатор,
И рядом шло, и взглядом жгло...
Оттуда и поныне,
Я знал, оно меня несло
Сквозь бури и пустыни.

Давно разбился самолет,
Отбушевали бури,
И фронт предгрозовой, как флот,
Весь утонул в лазури,
А облако меня несет,
Во рту псалом клубится,
И кто из них меня спасет,
И кто не даст разбиться?

Так жизнь сквозь пальцы протекла,
Стекая к высшей мере,
Как тень от облака, светла,
Как облако, сгорев дотла,
Как облако в пещере.

* * *

Весна проходит между тел,
И подвижны земли основы
Любовью — если не ко всем,
То к Иоанну Богослову.

Весна склоняется на грудь,
Чтоб кануть в Канну Галилеи.
Весна слоняется, как ртуть,
Нерв на щеке Гипербореи
В неверном отсвете свечи
На тайной вечере, что стала
Синонимом твоим. Молчи,
Увидясь в пропасти бокала.

Весна разлита по холмам,
Поросшим Гефсиманским садом,
И разливает Иордан
Стихию, тронутую ядом
Предательства и торжества.
Весна, весна! В своем изводе
Так год за годом Божества
Победу ты производишь,
Когда стоишь среди оков,
На месте все еще том самом,
Где видел ангелов Рублёв
И не заметил Авраама,
Где гром грохочет вдалеке,
Ворочая земли основы...
И дребезжит на языке,
И льдинкой светится в зрачке,

И замирает на руке
У Иоанна Богослова.

* * *

Рождественской звезды
Родимое пятно
Уже вошло крестом
На шею Вифлеема.
Все крылья, как мосты —
Единое крыло,
И движимы перстом
Планеты и морфемы.

Сегодня Рождество,
А значит, каждый день
И мы горим звездой
И празднуем победу.

Я чувствую родство
С землей. Но этот пенъ
Когда-то был сосной.

Мой дом, я не уеду.

* * *

Летят пилоты на войну, забыв об ипотеках,
И «Соблюдайте тишину» висит в библиотеках.
Но в широту и в вышину, от века и до века
Их тишина идет ко дну, смывая человека.

Из рога изобилья рок течет, но хочет выпить,
Живот один наперечет, куда его не выпясть,
Кто знает, тот не узнает. Летя в свою обитель,
Библиотекарь слезы льет, седой путеводитель.
Он будет прав. Здесь все пройдет. Он будет победитель.

* * *

Над всякой головой, спускающейся к ночи,
Ретроспективен взгляд в направленный бинокль.
Советскою совой блистают эти очи
На каждый шаг, что ты иначе сделать мог.
Вдали от красоты, от истин огорода,
От правды родника и шишки на сосне,
Не ощущаешь ты: уже не та порода
Господствует, пока ты в молчаливом сне
Не селекционер своей судьбы подножной,
Не обитатель тин, замков и паутин,
Со всеми ты един легко и осторожно,
Поскольку по реке ты странствуешь один.

Внутри нее летит на мусор головастик,
Пронесются стремглав личинки и мальки,
Не различая звезд, не замечая свастик,
Не забирая прав у ночи и реки.

* * *

В военные годы рябины до дуры,
В военные годы рождаются солдаты,
В военные годы рисуют с натуры,
И ангелы ходят по центру палаты,
Закованы в латы.

Как рододендрон, расцветают гранаты,
Как ириса стрелы, летят самолеты,
В военные годы цветов многовато
На ветках плодовых от мыслей пудовых,
От смерти крылатой.

Нужна ли Вальхалла стране православной?
Хотят ли сыны ее почестей лишних?
Но вечно дрожат перебитые ставни,
На фоне которых взвиваются вишни,
И вечно осколок фонит в инструменте,
И песня скрипуча, и голос командный.
В военные годы сыгравший на флейте
Ничем не правей, чем убитый гранатой.

А гроздь рябины под вымерзшей птицей
Качаются красным пасхальным ответом,
Поскольку мороз не пускает к столице,
Он тоже на службе — и хватит об этом.
В домах, в магазинах, в стихах и машинах
Войны не заметно. Все катится дальше,
И лишь комаров будет больше, чем раньше,
И мерзлых, несъеденных ягод рябины.

Да свечи, и сетки, и дроны, и мины.

* * *

Вверху температурного столба,
И атмосферного, должно быть, тоже,
Всегда стоит свой столпник Симеон.
Он погружен в молитву, но не в сон,
Снег пишет письма ему на коже.
Рука судьбы — еще не вся судьба.

Рука судьбы сложилась для молитвы,
Речь излилась и возвратилась вспять.
Такие времена придут опять,
Что поле пашни станет полем битвы,
Чтоб столп победы мог главу поднять,

А кто-то — вознестись быстрее и выше,
Стремительней комет и пирамид,
Где лестница, приставленная к крыше,
И падая, в колокола звонит.
Пожар, пожар, таинственный и рыжий...

Пожар небес, молитва Симеона,
Рука судьбы. Как много — и не здесь.
Мир оглашает тихое: я есть,
И тикает, как таймер, время оно.

* * *

Когда и жар, и тополя, и выюга,
И кружится, и стелется она,
Друзья! Носите времена друг друга,
Друг друга племена.

На улице поэта Ноздрина,
Которая длинна и безответна,
Все рушится пространства пелена
И падает от ветра,

Стекается проточная вода
В стоячие безводные пробелы,
И все, чему она была верна,
Изменчиво на белом.

И топает по белому орда,
И падает, бахилы надевая,
И я иду туда или сюда —
По-всякому бывает.

О времени нет времени молчать,
И я его мешками поднимаю.
Седьмой воды немыслима печать
В конце времен или в начале мая.

* * *

Не икает просто так ребенок,
Просто так не наступает враг,
Ничего — от танков до пеленок —
Не бывает в жизни просто так.

Мы за все заплатим понемногу,
Незаметно мы пройдем пути,
Чтоб уже не всуе — «слава Богу» —
Сметь или не сметь произнести.

И когда у самого забора,
Там, где кончен парк и начат лес,
Встанем мы, доступные обзору
И обстрелу снайперских небес,

Я скажу: надежду и мытарства
По своим бессмысленным грехам
Принял я, как горькое лекарство,
В меру выплавляемым стихам.

И пускай теперь болит желудок,
Эта боль — осмысленная боль.
Пролетает стая диких уток,
И трубит Архангел в ля-бемоль.

* * *

На витых дорогах судьбы, словно кабель коаксиальный,
Протянулась тонкая нить ожиданий или событий.
Человек рождается в мир, подготовленный для страданий,
Для хождений по пустырям и для взгляда в чью-то обитель.
В этот миг поют в небесах существа, что их населяют,
Скорбь годов и радость в веках единя в пространства и звуки,
И пред человеком — престол. У него, главу преклоняя,
Новый ангел держит в руках эту душу. Ангела руки
Простирает небо к земле и зовет по имени новых,
И летит в земной полумгле, расцветая, имя и Слово,
Созывая нищих на пир по вселенной мрачной, но млечной.
Человек рождается в мир — жить и благодарно, и вечно.

* * *

Август — месяц катастроф и
Натюрмортов с патиссоном,
Разделяющий сезоны
На успенья и голгофы.
Из него растут кругами
Злые части фюзеляжа,
Проплывающий над нами
Шаттл, что завтра в землю ляжет,
Взрыв бензина, мотоцикл,
Что несется на Икарус,
Завершая лунный цикл
Изменений и застоев,
И безумие Фороса, и крушение устоев —
Праздный император Август,
Развеваемый, как парус,
С полотенцем и корзиной,
С сапогами и лопатой,
С мытой и немытой псиной
В мотыльках и маскхалатах,
Чтоб кусаться и купаться,
Веселей валяться в глине,
Чтобы сгнули другие,
Но не мы, чтобы остаться
Там, где яблоки и груши
Без стремленья все разрушить
Под осенним ливнем душа
На столы несутся к людям,
Чтобы мы умели скушать
Все, что было и что будет,
Чтобы мы в полураспаде
Нерушимого союза
Вымокли, как в снегопаде
Мокли яблоки и музы,
Чтобы мы, расправив ложки,
Как хвосты павлиньи, ели
То, что вырыли в надежде
И священном униженьи
Августа — владыки мошки,
Ледяной его постели,
Где стирает пыль с одежды
Дивный свет Преображенья.

* * *

Когда поднимается ночь из самого темного места
В рассудке ли, в памяти ли, я вновь достаю до земли,
В которую прежде легли солдаты, младенцы, невесты,
Которую я и не жду, но все-таки чую вдали.
Я каждый пропущенный миг привык посвящать геростратам —
Растратам прошедшего дня, усталости беглых часов.
Восходом мы не дорожим, и тем монолитней закаты,
Встающие в календаре поверх мотыльков и усов.
Когда мы закроем глаза, нам видеться не перестанут
Ни ангелов огненный лик, ни черное рыло врага,
И дни пробегут чередой, и вымотают, и устанут,
И станут китайской стеной, как прошлая вечная зга.
Ужели закончится путь? Ужели достигнем предела?
Ужели осталось чуть-чуть до самого страшного дня?
Когда вынимается дух из каждого мертвого тела,
Ужели подумаю, что не вынется он из меня?
Но каждый пропущенный час безумье мое обличает,
И спичка моя догорит — погреет огонь иль спалит?
Меня от него не знобит, и это меня не печалит.
Я просто хочу замолчать, чтоб слышать, что Он говорит.

Поэт, прозаик, публицист, издатель, режиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ им. М.В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. Главный редактор журналов «Зинзивер», «Дети Ра», координатор портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» и премий журналов «Нева», «Сура». Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

СИДЯ НА СКАМЕЙКЕ

ТЕПЕРЬ

*Светлой памяти Владимира Шпакова
и Натальи Гранцевой*

А мне теперь Санкт-Петербург
не очень интересен, ибо
там нет Володи, друга моего,
с которым выпускали мы журнал,
стараясь напечатать самых лучших,
и по местам намоленным ходили.

В Санкт-Петербурге больше нет
Натальи Анатольевны, прекрасной,
заботливой и просвещенной,
с которой можно было говорить —
часами — сидя на скамейке —
или в каком-нибудь кафе.

...И все теперь не то, не так,
изысканной архитектурой
меня теперь не впечатлить.
Прекрасный и родной Санкт-Петербург
напоминает белую пустыню,
в которой я закопан, как Саид.

2024

ТЫ

Н.

Я врал и подличал, я шел
К победе черными путями,
Завоевать пытаюсь мир,
Который мне — теперь — не нужен.

Живу и мучаюсь — я был
Каким-то недочеловеком
Ублюдочным, но и тогда —
Святая! — ты меня любила.

Святая! — верила, что я
Остепенюсь и стану лучше.
И что-то видела во мне —
То, что никто другой не видел.

И вот прошли десятки лет.
Я стал другим, а ты в могиле
Теперь лежишь, точней — на небе,
Еще точней — в Раю живешь.

И — знаю — смотришь на меня
И видишь все мои огрехи,
Грехи. И радуешься, если
Я поступаю хорошо.

2024

ТРУДОВЫЕ БУДНИ

Пересчитал деньги.
Помыл руки.
Перекрестился.

2024

ОТРЯД КОСМОНАВТОВ

длинная — длинная — длинная
труба
от земли — до неба
душа (точно космонавт)
готовится к полету

...отряд космонавтов —
все человечество

2024

ВОПРОСЫ

струсил или не струсил
украл или не украл
возжелал жену ближнего или не возжелал
обманул или не обманул
испортил или не испортил
предал или не предал
убил или не убил

возлюбил или не возлюбил
воспитал или не воспитал
построил или не построил
вырастил или не вырастил
отдал или не отдал
помог или не помог
смог или не смог

умер или не умер
воскрес или не воскрес

2024

Прозаик и поэт. Родился в 1948 году в городе Горьком. Окончил радиофак Горьковского политехнического института им. А. А. Жданова. В настоящее время — директор издательства «Книги», главный редактор журнала «Нижний Новгород». Член Союза писателей России. Живет и работает в Нижнем Новгороде.

ДВА РАССКАЗА

В ДРУЗЬЯ НЕ НАПРАШИВАЛСЯ

(Рассказ)

ПРОЗА

Каждому понятно, что друг — это понятие, которое определяет и состояние взаимоотношений, и их качество, да и звание это выше, чем товарищ. Это как бы следующая ступень. А вот как происходит переход из одного состояния в другое, никто не знает. Будет кто-то умные слова сейчас вспоминать: что это фазовый переход или что-нибудь про агрегатные состояния фантазировать. А ведь многие из нас были свидетелями того, как товарищи друзьями становились, а иногда и назад спускались, хотя это — реже. В общем, товарищей создают обстоятельства: товарищи бывают по работе, по службе, по несчастью, а друзьями становятся по движению души, и понятие дружбы — круглосуточное. Конечно, у человеческих взаимоотношений не две ступени. Есть такие понятия, как: просто знакомый, сосед, приятель, товарищ и только после этого уже друг! Хотя есть еще выше — это, когда тебя называют «братом». Но это к делу уже не относится.

Мишка Жмуркин и Илья Криворотов форму своих взаимоотношений не определяли, но каждому со стороны сразу становилось понятно, что они друзья, да они и сами это чувствовали, хотя на эту тему не распространялись, дело это неблагоприятное. Мало того что они были интересны друг другу, так им еще постоянно хотелось залезть в голову друг к другу, чтобы узнать, а что там есть еще любопытного. И волноваться они умели друг за друга, и волноваться по-взрослому. А это значит, что надо научиться плевать на все свои проблемы, чтобы получить нужный другу результат.

Дружили они пусть не с первого класса, а только с пятого, но это тоже солидный срок. И дальше в жизни все у них было если и не по одной колее, то неподалеку. Мишка Жмуркин после окончания университета, где была военная кафедра, подражая каким-то своим уже совсем дальним родственникам, запланировал офицером стать, хотя батя его был на тот момент заместителем начальника областного управления торговли (пост по тем временам значительный) и не одобрял его решения. И вот он сам, по своей воле, в армию пошел, но, кстати сказать, ненадолго: комиссовали его уже через полгода по какой-то непонятной причине: то ли скрытую эпилепсию у него обнаружили, то ли стригущий лишай...

Если вдуматься, то причина была одна: умер у него отец, а на похороны Михаил так и не попал. Мама его, Нина Даниловна, — сердечница, постоянные недомогания — после такого слегла. И хотя сам Михаил всем говорил, что он крепко облучился при испытаниях ядерного изделия то ли на Новой Земле, то ли в Плесецке, на самом деле кто-то позаботился о нем, а точнее, о его маме, и в этом причина его неполноценной службы Родине.

Криворотов же после университета, который он окончил одновременно с Михаилом, военной формой не прельстился, но, пока Жмуркин ходил в армию, сумел совершить элементарную глупость: он женился.

Загуляли друзья весело и крепко, когда Илья встретил друга из армии.

А тут у них у обоих выяснилась вдруг необъяснимая с первого взгляда тяга к разного рода искусствам. И каждый день мотались теперь друзья то на выпускной спектакль в театральное училище, то на репетицию в общежитие консерватории, то на какие-то премьеры или выставки. Надо сказать, что студентки-виолончелистки из консерватории нравились друзьям больше, чем девчонки из театрального. А по вечерам существовали для них еще и обязательные посещения мастерских художников, где друзей тоже хорошо знали и ждали. Через полгода уже обнаружились неглубоко скрытые таланты и у Михаила, и у Ильи: начали они писать неплохие репортажи и очерки о культурной жизни города и в свои местные газеты, и в московские центральные, где их тоже заметили. И места службы у них определились похожие и очень близкие: Жмуркин стал репортером на радио, а Криворотов комментатором на телевидении, а структуры эти находились в одном здании, просто на разных этажах.

Надо сказать, что и у Жмуркина, и у Криворотова, при их открытости, друзей и приятелей было море, хоть ведром черпай. Это качество крепко помогает в работе и журналисту — всегда можно попытаться разузнать какие-то любопытные детали, связанные с разрабатываемой темой в никому неизвестном и независимом источнике. Это вовсе не значит, что надо дружить с народным артистом, генералом или академиком, но это значит, что надо поддерживать приятельские отношения с людьми, близкими к генералам, народным артистам и академикам.

У Михаила и у Ильи это получалось.

Получалось всегда, кроме одного случая.

Многие, очень многие товарищи в нашей стране сталкивались хотя бы раз в жизни с ненавязчивым предложением посотрудничать с одной очень важной и влиятельной структурой, передавая куратору вроде бы малозначительные и ничего не значащие сведения о своих друзьях и знакомых. Чаще всего никто ни у кого не просит подписывать какие-то бумажки о таком сотрудничестве — все это носит довольно свободный добровольно-ознакомительный характер. Но вот когда еще во время учебы в университете прямо в коридоре к Жмуркину подошел Коля Глинка, который был на три года старше его, с подобным предложением, Михаил сразу обозвал его негодяем и пообещал разбить ему морду в следующий раз.

Мало того, у Жмуркина на некоторое время появилась новая шутка: во всех компаниях он теперь рассказывал, как его пытались завербовать в сексоты, и продолжают вербовать, и, возможно, еще и завербуют, а потому лучше при нем всякого рода политические сплетни не муссировать.

Только зря Жмуркин так шутил, потому что Коля Глинка после окончания университета, где он был всего-навсего заместителем секретаря комсомольской организации, сразу же оказался на службе в вышеупомянутой конторе, а вскоре с серьезным повышением убыл куда-то на север страны. И вот через много-много лет он вновь прибыл в родной город уже с полковничьими погонами, хотя редко кто видит людей из этой серьезной государственной службы в погонах. Глинка, конечно, совершенно случайно встретился и с Криворотовым, и с Жмуркиным, напомнив им студенческую молодость и порекомендовав обращаться к нему в случае возникновения проблем. Но если Жмуркин пообещал ему вновь разбить морду, то Криворотов, наоборот, прикинулся дурачком, полез целоваться, позвал выпить и предложил снять про него и про его работу телерепортаж.

Однако шутка, если все же это была шутка, не очень удалась. Потому что помощь Глинки Криворотову потребовалась, хотя и не Криворотову, а Жмуркину, и даже не самому Жмуркину, а его маме.

При том, что сам Жмуркин любил направо и налево козырять своими мифическими родственниками-генералами в Генштабе и других высоких структурах, пожалуй, только Илья Криворотов догадывался, что никаких генералов ФСБ у Михаила среди родственников и в помине нет. Просто Илья очень тонкий и легко ранимый человек, а всякого рода защитные механизмы обретают весьма загадочные формы у разных людей, и это надо учитывать, если ты планируешь сотрудничать, дружить и общаться с этим человеком. Были, конечно, когда-то у его отца обширные и высокие связи, но это у его отца, а вот ни он, ни его мать Нина Даниловна пользоваться такими знакомствами не умели, да и не сохранили они их — слишком гордые были.

К тому моменту, о котором я веду рассказ, у Нины Даниловны появились кое-какие возрастные болячки, от которых почти никто не уберегается после шестидесяти. И среди всяких недомоганий, которые исправлялись таблетками, появилась постоянная преследующая боль в спине и в ногах, которая мешала жить легко. В зависимости от ее интенсивности, Нина Даниловна могла выйти и прогуляться по двору, а в другой раз и с постели боязно было спуститься — а вдруг упаду!

Конечно, были у нее и хорошие подруги, и знакомые врачи, которые советы разные давали, и в больницах она полежала, а только вдруг все стали говорить, что обязательно ей надо обратиться к какому-то мифическому профессору Шакурову Владимиру Ивановичу, непревзойденному мануальщику — это такой человек или лекарь, который своими руками (или пальцами, правильнее будет сказать) исправляет кое-какие дефекты, возникающие с возрастом в организме. А ведь тут, возможно, что это и болезнь Рота. И самое главное, это уже шепотом ей сообщали, что работает этот профессор исключительно в специальной поликлинике ФСБ и еще в каком-то специальном госпитале, где только спецконтингент и обслуживают. Он их там и от запоев, и от запоров лечит, и от послевоенных синдромов всяких, и после ранений. Только вот попасть к нему — проблема.

Ну а кто же может для одинокой пожилой женщины проблему решить? Конечно, и в первую очередь — сын! Михаил матушку свою внимательно выслушал, и в голове у него нарисовался очень рельефно внешний образ Коли Глинки, которому он дважды хотел в рожу дать, и два раза не дал, а все потому, что не за что!

— Мама, не волнуйся — мы все сделаем, — пообещал сын.

И он не оговорился, сказав «мы», потому что Колю Глинку на улице напротив всем горожанам известного здания поджидал Илья Криворотов. Только Глинка все равно раньше заметил Илью и подошел к нему неожиданно и почти со спины. Стройный, элегантный, одет по моде и по погоде, из-под кашне галстук в полоску виднеется.

— Что, следишь за мной? — строго спросил он.

Криворотов от неожиданности даже вздрогнул, но шутку оценил.

— Ну, что ты, Николай, — за тобой разве уследишь.

— А чего же тогда подглядываешь?

— Дело есть к тебе! Помоги.

— Слушаю тебя.

— А давай вон в скверике у памятника Горькому посидим пять минут.

— Пойдем, посидим.

— А может, и не посидим — может, я тебе по пути все уже и расскажу.

— Ну, так говори, пока идем. Кстати, как поживает твой друг Жмуркин? Расскажи-ка мне немножко о нем. Я слышал, что у его мамы какие-то проблемы возникли.

— Так ты уже все знаешь?

— Чего знаю? Не понял я. Знаю, что у его мамы что-то там болит, и серьезно так, по-взрослому.

— Здорово — все-то вы про всех, про нас знаете в вашей конторе.

— Работаем, Илья, работаем, нам за это зарплату платят.

— Так вот, я пришел с тобой встретиться из-за его мамы, Нины Даниловны. У нее болит спина и ноги очень сильно — порой спасу нет. Она уже и в больницах каких-то лежала, и со специалистами разными советовалась. А у вас, в вашем медицинском центре, не знаю, как он правильно называется, служит замечательный профессор Шакуров. Есть такой?

— Есть такой профессор Шакуров Владимир Иванович, хороший специалист.

— Коля, помоги нам, помоги Нине Даниловне встретиться с этим профессором Шакуровым — очень ей надо. И не бери в голову про все те глупости, которые когда-то у вас со Жмуркиным в институте были.

— Да ладно! В университете здорово было, молодость была. А про Жмуркина я тебе следующее скажу: нас ведь в академии немножко всему обучали, и вот как психолог я знаю, что Жмуркину очень хотелось бы быть на моем месте, и он просто немножко завидовал мне всегда. А я к нему в друзья не навязывался и не напрашивался. Придумывает он все да врет все больше.

Постояли рядом со скамеечкой, около памятника Горькому, помолчали с минуту.

— Я тебе завтра позвоню насчет профессора нашего, — слегка улыбнувшись, проговорил Глинка, — вылечим мы Нину Даниловну, вылечим. Жмуркину привет передавай! А можешь и не передавать.

2023

САМ ВСЕ ОТДАЛ

(Рассказ)

Михаил Жмуркин и Илья Криворотов — настоящие крепкие профессиональные журналисты, и любят они по понедельникам встречаться с утра в буфете на Средном рынке. Если это еще и не стало традицией в полном смысле этого слова, то привычкой — уже, и надо это всячески теперь поддерживать и одобрять, потому что многие привычки перерастают в традиции в следующих поколениях. Поддержка сегодня выражалась в шести кружках пива, стоявших на их столике, а одобрение в философских рассуждениях на актуальную и даже злободневную тему.

— Послушай, Миша, совсем труба какая-то.

— В смысле?

— Полное безденежье. Давай реализуем тему какую-нибудь, только чтобы не на коробку пива хватило, а по серьезному: и машинешку мне надо бы купить, и квартиру однокомнатную хотя бы.

— Ну, машину тебе не надо пока что — пока ты водку пьешь через день, а вот насчет квартиры — так это проще пареной репы: напиши роман, подай на премию «Ясная поляна» — там как раз три миллиона. А есть там еще какая-то «Большая книга» да какой-то Букер. Так что — это легко. Пиши!

— Нет, не легко! А где гарантия, что эти три миллиона мне дадут, а не какому-нибудь новому Льву Николаевичу с его новой «Войной и миром»? Так и подотрусь я своим романом, только время зря потрачу.

— Ну, что это — зря? Роман написать — это же здорово: в веках останешься.

— Я же не в веках остаться хочу, а бабки заработать. При том, честно хочу получить их, а не украсть! Я уже по выражению твоих хитрых и жуликоватых глазок чувствую, что ты начнешь мне сейчас предлагать: взять деньги в кредит и не отдавать или платных туалетов по всей набережной наставить. Нет — я хочу, чтобы был минимум усилий с моей стороны, и стопроцентная гарантия получения денег. Ну, пусть не сто процентов, пусть — девяносто пять!

— Знаешь, Илья, я подумаю. Ты слышал про существование у нас в стране огромного количества федеральных агентств? Почти у каждого серьезного министерства есть свое подшефное агентство.

— Конечно, слышал. А что это такое?

— А это такая прокладка, между министерством и бюджетом, которая деньгами распоряжается: министерство стратегию развития и движения определяет, а агентство финансирует его. Да, это и не важно, а важно то, что все эти миллиарды рублей раньше раздавались непонятно кому, а теперь, чтобы все по-честному было, их выделяют в виде грантов, то есть — надо доказать, что народу и правительству твое мероприятие, на которое ты просишь денег, нужно!

— Так, а откуда мы узнаем, что какое-то мероприятие им нужно?

— Ну, вот, например, в 2037 году будет отмечаться двести лет со дня гибели Пушкина. Будем мы отмечать как-то это событие?

— Будем.

— Конечно, будем! И пора уже готовиться.

— Ты, что — странный какой? Я хочу денег, а ты про какой-то юбилей, который состоится через пятнадцать лет.

— Это я к примеру. Есть варианты и получше, надо подумать. На будущий год будет юбилей Шаляпина — сто пятьдесят лет. Надо отмечать? Надо! Он у нас в городе и бывал, и живал, и пел, и Народный Дом, то есть наш Оперный театр по его инициативе построен. Надо срочно писать план мероприятий по празднованию такого юбилея. Я уверен, что у какого-нибудь федерального агентства, которое патронируется министерством культуры, есть куча всяких грантов, один из них уже наш! У них ведь, что важно — проводить мероприятия будут другие люди, какие-нибудь туристические агентства, а мы с тобой получим свои три или пять миллионов только за идею. Просто надо эту нашу идею красиво и доступно изложить и оформить, а потом еще заштитить.

— Понял я — все равно надо работать!

— Конечно, можно штуку баксов и так срубить, не сильно работая. Вон тут бандиты перед выборами подъезжали ко мне: говорят, тисни у себя в газете материалчик разоблачительный про губернатора, фактики мы тебе жареные подкинем, и бабки получишь. Я их далеко послал.

— Понял я все. Давай вечером сядем у меня, подумаем, прикинем.

— Давай.

Не откладывая в долгий ящик, уже после обеда Жмуркин созвонился с городским департаментом культуры и согласовал необходимость проработки данной темы, с дальнейшей совместной реализацией наклюнувшейся идеи.

Теперь каждый вечер с семи до одиннадцати, объявив друг другу сухой закон, сидели друзья в кабинете у Ильи Криворотова, который давно уже служил на областном радио, и расписывали чуть ли не по минутам план-проект проведения юбилейных мероприятий, посвященных празднованию ста пятидесятилетия со дня рождения великого баса Фёдора Шаляпина. Были написаны методички для проведения пяти туристических экскурсий по шаляпинским маршрутам с обедами по шаляпинскому меню в лучших ресторанах города, разработаны идеи полиграфического издания массовыми тиражами альбомов, буклетов, наборов открыток и даже почтовой марки со спецгашением. Подготовлен был новый сценарий документального фильма о перенесении праха Фёдора Шаляпина из Парижа с кладбища Батиньоль на Новодевичье кладбище в Москву, который требовалось дополнить воспоминаниями Ирины Архиповой и Ивана Козловского; а эти воспоминания еще надо было теперь раздобыть в архивах центрального телевидения. Гала-концерт планировалось проводить на открытой площадке. А вот первый всероссийский конкурс басов имени Шаляпина с привлечением в жюри обладателей лучших голосов страны (на международный статус пока что побоялись замахнуться) — в Оперном театре. Благо, что здание этого театра, бывший Народный Дом, было построено с легкой руки великого артиста. Даже парад воздушных шаров был задуман, но все же потом исключен из списка: уж очень затратное мероприятие, а беспорядочное. Торжественное открытие памятного бронзового бюста напротив дома Киришбаумов, где Шаляпин пил малиновую наливку с Максимом Горьким, тоже отложили на потом — не успевали!

Для художественного оформления плана-проекта пришлось привлечь художника-оформителя из издательства «Ковчег» Толика, который от бутылки конька «Хеннеси» двадцатилетней выдержки отказался сразу и потребовал за работу десять тысяч рублей. В результате еще через неделю у друзей на руках был прекрасный художественно оформленный альбом в пяти экземплярах с планами всех мероприятий и ориентировочными сметами. А уж столько шуму друзья наделали своей неожиданной и активной деятельностью за эти две недели, что одновременно с альбомами получили через городской департамент культу-

ры и приглашение в Санкт-Петербург на круглый стол, посвященный подготовке к празднованию юбилея великого певца.

Уровень круглого стола планировался быть достаточно высоким: предполагалось участие и руководителей федеральных агентств, и представителей министерства культуры, и гости из Италии и Франции — в общем, надо было ехать. Ехать надо было за свой счет: оплачивать такие забавы ни городские, ни областные власти не планировали, а вот участие рекомендовали и поддерживали.

Как-то сразу эта поездка друзей на круглый стол в Санкт-Петербург не заладилась: Криворотов в день отъезда оставил на работе пакет с только что отпечатанными четырьмя экземплярами альбома, по которым они должны были защищать свой план проекта; только один экземпляр, рабочий и весь уже исчерканный новыми идеями и исправлениями, случайно оказался у Жмуркина. Неприятность обнаружилась, когда состав уже тронулся. Жмуркин сначала хотел обозвать как-нибудь нехорошо своего друга, но остерегся, видя, что тот и так расстраивается сильнее необходимого.

В купе вместе с друзьями оказался еще один попутчик — командированный Вася. Он тоже был весь какой-то растрепанный, и была тоже серьезная причина — его товарищ опоздал на поезд, о чем успел сообщить Васе по телефону, но десять банок пива на дорогу были уже куплены. Друзья, как смогли, успокоили командированного Васю и, не сговариваясь, вытащили из своих заплечных ранцев по бутылке водки. Они тут же удивленно посмотрели друг на друга, заикнулись одновременно, попытавшись что-то сказать, но промолчали. Сухой закон, объявленный месяц назад, продолжал действовать, и отменять мораторий надо было каким-то серьезным коллегиальным решением, а тут...

Литр водки и десять банок пива на троих — это та норма, после которой хорошо засыпается в поезде. Между делом, за разговором Вася поинтересовался у своих попутчиков, узнав, что те журналисты — как они относятся к писателю Гаю Орловскому, двадцать третий роман которого про сэра Ричарда Вася уже дочитывает. Друзья такого писателя, к своему сожалению, не знали, но выяснив у Васи, что Орловский написал уже сорок с лишним романов, рекомендовали ему больше выше упомянутого писателя не читать, а попробовать читать или Гайто Газданова, или Генри Миллера.

Видимо, не лишней оказалась и та бутылка водки, которая нашлась в объемистом обшарпанном портфеле Васи, после которой все полезли на свои полки и дружно захрапели.

Васе надо было сходить в Колпино, это или за тридцать километров до Питера, или за тридцать минут — сейчас уже и не вспомнишь. Проводница разбудила его заранее, еще затемно, в половине шестого. Мои друзья Жмуркин и Криворотов тоже проснулись. Жмуркин с трудом разлепив глаза, тут же начал разглагольствовать о необходимости поправить здоровье и о невозможности решения возникшей проблемы в ближайшее время, а Криворотов, натянув джинсы, пошел курить в тамбур.

Покряхтев и помотав своей похмельной и нечесаной головой, Вася спрыгнул с верхней полки и стал обувать кроссовки, пожелав Михаилу доброго утра. Миша, не оставаясь в долгу, тоже пожелал Васе чего-то хорошего, заметив, что тот уронил на пол паспорт, спрыгивая с верхней полки. Вася поблагодарил внимательного Мишу, поднял с пола паспорт и, засунув его в боковой карман портфеля, пошел умываться.

Состав стоял в Колпино три минуты, и друзья быстро распрощались с Васей, напомнив ему про Гайто Газданова и Генри Миллера. Заказали у проводницы по два стакана чая с лимоном и попытались привести себя в рабочее состояние, не употребляя спиртного.

— А странные люди бывают на свете: прочитать двадцать романов какого-то непонятного автора и уже планировать прочитать еще двадцать, — заметил Илья.

— Ну, чего же особенного — наверное, мы с тобой тоже странные с чьей-то точки зрения, — откликнулся Михаил, — вот этот Вася чуть не остался без паспорта сегодня, и только благодаря мне у него сохранился статус гражданина.

— Как это так?

— А так: когда он спрыгивал со своей второй полки, то уронил на пол паспорт, а я заметил.

Илья как-то странно прищурился, сунул руку под подушку, на которой только что спал и замер.

— Что с тобой? — спросил Михаил.

— А то, что ты отдал этому босяку и любителю Гая Орловского мой бумажник, а не его паспорт.

— Что ты имеешь ввиду?

— А то, что я всю свою сознательную жизнь, когда еду куда-то в поезде, и мне там приходится спать, то кладу бумажник с деньгами под свою подушку. И так я поступил и вчера. И ты...

— Что я?

— Наверное, когда я пошел курить, то сам и задел свою подушку, и стряхнул бумажник на пол, а ты был очень любезен.

— А причем тут я-то?

— А при том!

— Главное, я еще подумал: что-то толстоват его паспорт для паспорта-то! А может, ты ошибся? Давай ищи!

— Нет уж, брат! Я когда сигареты утром брал, видел его, свой бумажник, и хотел ведь сунуть в карман, да подумал, что потом. А теперь... У меня же там все мои деньги были!

— А сколько там было-то?

— Сорок тысяч.

— Да, неплохо подлатался наш любитель Гая Орловского.

— А тебе весело, да?

— Нет, мне ни капельки не весело, только что же теперь плакать, что ли?

— А ты не понимаешь, что это ты отдал этому Васе мои деньги?

— Нет, я просто заметил, что что-то там упало.

— А сообразить, что это упали мои деньги, ты не мог?

— Нет.

— Так вот — я ни на какую конференцию или на этот ваш круглый стол не пойду и не поеду! Я сейчас сдам билет и поеду сразу домой, а ты, как хочешь. Мне неприятно пока что вообще с тобой общаться. Так и знай и не приставай ко мне больше сегодня. Ты понимаешь, что сегодня ты все мои деньги своими руками отдал незнакомому мужику?

— Да, не трогал я своими руками твои деньги и бумажник не трогал. Я вообще подумал, что это паспорт его. А кто м. — так это ты, так и знай.

Проект Михаил Жмуркин защищал один, и грант в три миллиона рублей друзья получили, проведя заявку через Союз журналистов, и сейчас мучаются они, не знают, как они будут теперь отчитываться за эти деньги — надо для этого какого-то опытного человека нанимать.

2023

Прозаик, журналист. Родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала замредактора Сибирского информационного агентства, затем редактором отдела новостей, обозревателем отдела права в редакции газеты «Молодость Сибири», затем собственным корреспондентом «Комсомольской правды» в Сибири. Является лауреатом премии КП «Лучший дебют», номинировалась на звание лучшего собкора. С 1998 года жила в Канаде, 14 лет, с 2003 по декабрь 2017 года, издавала газету «Комсомольская правда в Канаде» — единственное СМИ в стране, которое писало о России с уважением и любовью, настаивало на традиционных ценностях и было ненавидимо местными бандеровцами и русофобами. Канадская «Комсомолка» являлась идейным вдохновителем Бессмертных полков в Канаде и сборов помощи дет-домам и больницам Донбасса. С января 2018 года в Торонто издавала газету на английском языке «York Region Review». В марте 2020 года газету закрыла в связи с пандемией. Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде — «А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие». Сборники хорошо разошлись и получили теплые отзывы читателей и статьи в русскоязычной канадской прессе. Автор многочисленных публикаций в России. Член Союза писателей XXI века с 2023 года. Живет в Санкт-Петербурге.

БОНИТА

(Рассказ)

Его новую любовницу звали Корения. Она кубинка, горничная в отеле в Сантьяго-де-Куба, где он, Костя, бывший одессит, а ныне житель Калгари, живет уже две недели. Ее имя смешит его, потому что девушку назвали в честь Анны Карениной. Родители, бывшие студенты российского университета, так выразили любовь к СССР. Вернулись на родину и родили Корению, Владимира и Катюшку. У последней так в документах и записано — не Екатерина, а Катюшка.

Родители обучили детей русскому языку и внушили, что СССР был самой правильной страной, русские — друзья, и если страна и разрушилась в 90-е, то виновата вечный враг Америка. Которая и Кубу душит санкциями. «Но мы не сдадимся».

Корения родилась в сознательной семье. Но ей двадцать два года и очень хочется сказки. Такой, как в иностранных фильмах. Чтобы белый, верный мужчина — у них-то на Кубе парни такие горячие, что на верность надеяться не приходится. Чтобы состоятельный — очень хотелось носить такие же красивые наряды, как туристки, которыми был набит отель. Все у них было невыразимо прекрасно — и духи, от запаха которых кружилась голова, и платья из невиданных на Кубе тканей, и украшения, и еще куча каких-то вещей, назначения которых она даже не знает, а, убирая номер, просто вертит в руках и думает: это зачем? В идеале хочется, чтобы возлюбленный увез в свою страну.

Значит ли это, что Корения не любит Кубу? Любит, и еще как! И Фиделя любит, и Че. У нее на плече даже татуировка — портрет Че в берете. Оба революционера правы, считает Корения. Просто страна у них слишком маленькая бороться с такой машиной как США. И потому машина, несмотря на неправоту, уже почти победила. Жиром задавила.

Вот и Корении хочется пожить не в бетонных, некрашенных стенах, а в красивой квартире с горячей и холодной водой. С мягкой мебелью. И работать по специальности, а не мыть полы в номерах и не вертеть из полотенец лебедей. Корения рано пошла в школу и уже окончила университет. Однако по большому благу она устроилась в гостиницу, потому что это золотое дно. Иностранцы везут сюда подарки чемоданами и обслуга сама одета-обута, и перепродает.

В Костю Корения влюбилась. Он, правда, старый, сорок лет, но стройный, следит за собой. У него на столике в ванной больше кремов, чем у нее с мамой. И одеколон такой, что учуяв запах, она сразу страстно его, Костю, хочет. Она приходит к нему будто бы убирать, а на самом деле они любят друг друга до изнеможения. Номер остается неубранным, но обоим плевать. Костя веселый, зажигает на дискотеках, как ее сверстники. Вечером приезжает в разные увеселительные заведения и ждет ее. С ним интересно, сытно и пьяно.

Он о себе почти не говорит. Известно лишь, что он не женат, и никогда не был женат. И что любит мохито и ром без добавок. И ей берет такой же — ему нравится когда она пьяна. Костя — русский канадец, живет в холодном Калгари. Говорит, что зимой ему приходится выкапывать машину из снега. Ну и ну.

Корения думает, что у них все серьезно, и в конце своего пребывания он сделает предложение, или скажет когда приедет снова (скоро, конечно) и сделает предложение. Она ходит и светится. На шее у нее подаренные им бусы — хрусталики, переливающиеся всеми цветами радуги.

Костя лежал на пляже, под «грибком», покрытым пальмовыми листьями, и наслаждался покоем. Только что он выкупался в бирюзовом, теплом море, потом хлопнул полстакана рома («не наливайте туда пепси!») и теперь, накрыв лицо белой шляпой, находился в блаженном полусонном состоянии.

Куба — лучшее место на земле. Он ездит сюда уже лет пятнадцать. В разные отели. Тусит. Привлекает дешевизна, так как на канадские деньги все стоит копейки, а также море, пальмы, манго и папайя, ром и сигары, добродушные, открытые люди, воспитанные по-советски, но, конечно, со своими прибабахами, а главное — женщины. В Канаде женщине найти трудно. Канадские бабы хотят того же самого, что и кубинские — денег, но для кубинки сто долларов уже деньги, это три зарплаты, а канадкам подавай успешного, чтобы тысяч сто пятьдесят в год зарабатывал, и чтобы все дорогое — дом, машина. При разводе оттяпывают имущество, оставляя тебя в трусах и алиментах. А за что им платить? За полные белые тела? За то, что в сексе не секут ничего? Тогда как кубинки — охoho... Тоненькие, попки упругие, глаза жгучие, улыбки пленительные. И отношение к сексу куда проще. Не было еще, чтобы он позвал девушку — «бонита», красавица, мол, или «ми принцесса», «ми амор», и она не пошла с ним. Это в Гаване, в Варадеро — больших городах. В провинции, говорят, есть девчонки домашние, но туда он не ездит. Ему домашних не надо.

И семьи не надо. И дети — ни к чему. По молодости не нужны были, а теперь-то подавно. Его бесит даже если его банный халат не на тот крючок повешен, не говоря чтобы еще пустить кого-то к себе жить.

Ездить четыре раза в год на Кубу — наилучший «формат». Повеселился и свободен. И беременная кто, или не беременная, ты даже не знаешь. Он никому ничего не обещает. А если на что-то и надеются, то их дело. Прыгая козлом на дискотеках и крича своим загорелым подружкам «бонита!», хватая их за блестящие от пота ляжки (жара, однако, а кондиционеров нет), он прекрасно знает, что они с ним за деньги, за подарки, за перспективу отъезда в Канаду. Хотя... и привлекательность его, конечно, никуда не денешь.

Костя доволен собой. Его сверстники уже с пузичками, лысые, а он как законсервировался в тридцать лет. Потому что бегает по утрам, ест только полезное. И никто ему дома мозги не выносит, ни чужая по сути баба под названием «жена», ни спиногрызы.

В гробу он видел стакан воды.

Впрочем, думает Костя, надо думать о приятном. Он лежит под «грибком» и вспоминает лицо смуглянки Корения. Латиноамериканки — самые красивые. Не зря они «миссками» часто становятся. На других его тело уже и не реагирует.

— Корения! — садовник Рауль окликнул девушку, когда она подходила к номеру Кости. Рауль вышел из кустов и направился к ней. Высокий, большой парень в зеленых садовничьих униформенных штанах и широкополой шляпе, он будто сошел с картины Ван Гога.

Остановился напротив и сказал:

— Когда ты поймешь, что туристы не считают нас за людей? Они покупают женщин. Да и мужчин...

— Надоел! — девушка постучала в дверь, ей открыли, и она вошла.

Корения застыла перед кроватью, на которой лежала официантка ресторана-буфета Сесилия. Девушка молчала, не в силах вымолвить ни слова. Костя же говорил, что она, Корения, самая сладкая, такой у него не было, без нее не может и дня, «ми амор, бонита»... Она разглядывала Сесилию — чернокожую, с яркой косметикой, в белых чулках сеточкой.

На Кубе чулки сеточкой очень популярны. Потому что климат жаркий, а власти требуют, чтобы женщины в учреждениях носили колготки. Ну и потому, что сеточки свое отжили в «свободном мире» и туристы активно сбрасывают их сюда. Через некоторое время Корения опомнилась и заметила, что Костя ничего не говорит, не оправдывается. Она взглянула на него и увидела пристальный, довольный взгляд и улыбку.

— Присоединяйся, — пригласил жестом на кровать.

Корения попятилась.

— Двадцать долларов и туфли! Не новые, но в хорошем состоянии, — улыбнулся Костя. Он собрал со знакомых не нужные им вещи и привез на Кубу на подарки.

— А мне? — ревниво спросила Сесилия. — Мы не договаривались, что нас будет трое!

Корения выскочила за дверь и, обхватив голову руками, побежала...

Садовник смотрел ей вслед.

Ну и хорошо, подумал Костя. Теперь не надо думать, как избавляться от девчонки. Вечером он поел мидий, креветок и крабов — получил свою порцию йода, напился рома и уснул. Приснилась мать. Как всегда во сне, она была на расстоянии. Он все тянулся к ней и не мог достать. В детстве этот сон огорчил бы его, а сейчас он просто повернулся на другой бок и снова заснул. А наутро вспомнил, как однажды беседовал с психологом. Случайно, в самолете рядом сидели, разговорились.

— Какое самое травматичное событие было в вашем детстве? — спросила женщина после того, как он нахвастался ей своими кубинскими «победами».

— Каждое лето меня отправляли в лагерь.

— Вы не хотели?

— Я хотел быть с мамой, поехать с ней на дачу. Но каждое лето я был в лагере. На весь сезон. Периодически за детьми приезжали, забирали, а меня нет.

— Это изменило вас?

— Нет, наверное... Впрочем, это приучило меня к легкости отношений. Начиналась новая смена, новые люди, привыкание к ним. Я теперь легко знакоблюсь, не залипаю на людей. Есть так есть, исчез с поля зрения, ну и черт с ним.

— Что еще вам не нравилось в лагере?

— Все. Общие спальни, общий стол, общие дела. Я хотел своего — комнаты, мамы. Главным образом, мамы. А она была дяди Гришина. Отчим. Пустозвон, но ей, видимо, нравился, если меня отправляла с глаз долой.

— Она была ласковая?

— Нет.

— Вы обижены на мать?

— Да. Не общаемся.

— Но ведь можно создать семью и получить ласку.

— Это хлопотно, затратно, а главным образом, и негде взять. Канадки мне не нужны, жительницы Украины на известного рода заработках в Европе, в Россию надо визу делать каждый раз...

— Это не причина.

— Им всем лишь бы переспать и что-то с этого получить. На всех континентах одинаковы. Цена разная. На Кубе бусы, в Америке они оттяпывают дома.

— Вам не жаль кубинских девушек? Они же на что-то надеются. Возможно, любят.

— Проститутки ленивые...

— Вы все еще не уехали из пионерлагеря, — психолог тронула его за рукав.

Ранним утром, когда солнце нежным желто-розовым светом покрыло отель и территорию вокруг него, когда шум волн еще еле слышен, некоторые туристы могут из своих окон видеть высокого парня и девушку, стоящих на улице.

Парень одет в белые рубашку и брюки. Девушка — в красном. Они выглядят, как два цветка на большой, «выбритой» газонокосилкой поляне с огромным, выше человека, кактусом посередине.

— А что ты такой нарядный, не в форме? — спрашивает Корения Рауля.

— Я сегодня не работаю. Пришел, чтобы увидеть тебя.

— А я пришла забрать документы. Буду работать в школе.

Глаза Рауля вспыхивают радостью.

Парень и девушка идут к выходу с территории отеля.

Стая бабочек срывается с куста и летит им вслед.

ОБМЕН

(Рассказ)

Как попала баба Шура в эту коммуналку, она не помнила. Помнила только детство в Лыткарино, и что были у них две коровы, да лошадь Лысманка. Пластинку эту она бойко заводила ежеутренне. Начинала как-то даже с гордостью.

— И было у нас две коровы! Одну-то тятя продал... И осталось у нас... две коровы?

Отказаться совсем от второй коровы она никак не хотела, но арифметика явно не сходилась. Тут Шура надолго задумывалась и в раздумьях уходила в свою комнату. Наутро она появлялась на общей кухне, сияя, как солнышко, и начинала знакомиться.

Поначалу Колян шугался странной бабани, но быстро пообвык и бодро представлялся, поддерживая светскую беседу про домашнюю скотину. Из редких озарений Шуры стало понятно, она юной девицей приехала в Москву служить горничной к маститому советскому писателю Михаилу Бубенному — «Белую березу» написал — да так и осталась. Когда классик почил, Шуру отставили, и ее мотало по столице в бурном потоке жилищного вопроса, пока вот не поселилась в этой коммунальной квартире на северо-западе Москвы.

Вторая соседка Катя, хотя и в летах, была полной противоположностью Шуры и держалась холодно и отстраненно. Утром она появлялась в ситцевом халатике и алюминиевых бигудях на редких волосах, задумчиво напевая: «Без меня тебе, любимый мой, лететь с одним крылом...». Ее избранник — абсолютно лысый Толя — на кухню не выходил.

Так бы они и жили мирно. По негласной традиции холостяков не трогали, места общего пользования мыли женщины, но тут Николаю приспело жениться. Тогда и вопрос отдельной жилплощади встал для него во всей наготе. Сбегав в жилищно-эксплуатационную контору, Коля быстро уяснил, что законного улучшения жилищных условий ему не дожидаться никогда. В его комнате квадратных метров было столько, что, даже при рождении ребенка никакой отдельной квартиры не предвиделось в принципе.

С такой перспективой Колоня был категорически не согласен. Тогда в Москве что-то происходило. Какие-то открывались кооперативные ларьки у метро, какое-то брожение ощущалось. Весна в конце концов!

В общем, Николай задумал размен коммуналки. К его удивлению, Катя быстро согласилась, поставив, однако, условие — ее комната соединялась с однушкой Толи и превращалась в чудесное двухкомнатное гнездышко. Со второй соседкой было сложнее.

По вечерам баба Шура выслушивала шустрого пацанчика, кивала и вроде бы даже соглашалась. Но утром! Утром она выставляла сухую ладошку и приветливо произносила: «Шура!».

Все предприятие висело буквально на волоске. Но Коля закусил удила и погрузился в пучину обмена. По дороге на работу он забежал в газетный киоск и первым покупал многостраничный альманах «Обмен в Москве». Уже в трамвае высчитывал варианты, с рабочего телефона звонил обменщикам, а вечером мчался смотреть квартиры. Сложность состояла в том, что варианты быстро устаревали, а для окончательной сделки нужно было не только согласие всех сторон, но и сбор всех в одно время и в одном месте у районного чиновника. Размер цепочек мог достигать до десятка итераций, а число квартиросъемщиков до нескольких десятков человек.

Постепенно Николай вошел во вкус. Стал частым гостем на Банном переулке, где находился тогда межрайонный обменный центр. Его даже просили подобрать вариант, и он, не сходя с места, мог набросать пару подходящих. Начал разбираться в типах домов и особенностях застройки. Девятиэтажная «панелька», например, никак не менялась с «хрущёвкой». Зато кирпичный дом спокойно разменивался со «сталинкой». Буквально все имело значение — этаж, лифт, район, расстояние до метро. За спиной иногда слышал: «Черный маклер!». Денег не брал, вот еще, за простую задачку как-то было неловко.

Вечером делился находками с Катей, и тогда Толя, как матерый штабист, под зеленой наркомовской лампой склонял шишковатую голову над картой столицы. Соседям, однако, никакой вариант не подходил. Они записывали адреса, ездили смотреть, а потом нудно выговаривали про найденные недостатки. Им ничего не подходило... Обмен зашел в тупик.

Молодой Колиной семье пришлось время рожать, и они съехали к родителям в Строгино. Напоследок Коля сообщил, что выходит из игры. Катя поджала тонкие губы, а баба Шура ничего не заметила.

Прошел почти год, Колин сын понемногу начал ходить самостоятельно, и тут раздался звонок, и незнакомый мужской голос сообщил, что хотел бы встретиться, чтобы обсудить обмен.

На встрече мужчина с интеллигентной бородкой поведал, что у его семьи имеются две квартиры, которые они хотят объединить, а коммуналка в сталинском доме подходит для этого как нельзя лучше.

— Так Кате ничего не нравится! — вскричал Коля. Собеседник выдержал паузу.

— Вы плохо знаете женщин, молодой человек. Я приватно предложил Екатерине Матвеевне совершенно отдельную однушку — и она повелась. Анатолий Сергеевич ведь немолод, у него взрослые дети. Они, если что, не оставят от их совместной двушки камня на камне. А так — своя квартира...

— И что? — хрипло уточнил Коля, еще не веря своему счастью.

— Так вот. Мы меняем одну трехкомнатную хрущёвку на однушку и комнату в коммуналке. А вы переезжаете в двушку. Только переговоры буду вести лично, а бабу Шуру перевозите вы.

Николай подъехал к дому на грузовичке. В сотысячный раз познакомился с бабой Шурой и казенным голосом объявил, что сегодня она переезжает. Шура особо не возражала, все ее вещи уместились в два узла и еще матрас. Пока ехали, в горле щипало, наверное, от пыли.

Квартира, куда он привез бабу Шуру, оказалась шумная и многодетная. Лохматый парень примерно одного с ним возраста откровенно обрадовался. Не обращая внимания на бабушку заорал: «Ты говоришь, она одинокая?». Николай кивнул.

— Здорово! Ты видал, у меня трое. Не переживай, присмотрим. Комната потом нам достанется.

Шура спокойно дождалась разгрузки и протянула Николаю приготовленный рубль.

Поменялась эпоха. Дом сталинского ампира так же стоит у метро впритык к секретной академии. Николай в группе зевак слушал бойкую экскурсоводшу, дескать, жили тут заслуженные люди — один маршал и один физик-ядерщик, и гражданская жена известного поэта. К ней заходили такие люди! Богема! Здесь звезда балета познакомилась с композитором, и у них закрутился роман... Про бабу Шуру, конечно, не рассказала ничего.

Нейропсихолог, прозаик, публицист. Живет в Санкт-Петербурге и Хельсинки. Закончила факультет психологии МГУ. Публиковала прозу и публицистику в журналах «Звезда», «Нева», «Урал» и «Дружба народов». Автор романа «Из бездны с любовью». Лауреат премий журнала «Звезда» и издательства АСТ-Астрель. Журнал «Зинзивер» публиковал рассказы Елены Вяхякуопус «Психологи тоже люди» в 2020 году, № 2 (116).

ИЗ ЦИКЛА «ПСИХОЛОГИ ТОЖЕ ЛЮДИ»

О МЕТОДАХ ЛЕЧЕНИЯ СТРАХА

КАК ПСИХОЛОГ НАУЧИЛСЯ БЕГАТЬ

Знакомый финский психолог рассказал. Зовут его Петри. Он получил в наследство довольно много леса, гектаров шестьдесят. В лесу надо поддерживать порядок, на место срубленных деревьев сажать новые — поэтому он каждый отпуск в своем лесу проводит. Конечно, собирает чернику и морошку, клюкву на болотах. Это ему помогает восстановить психику после клиентов — он в психиатрической поликлинике работает. И сам человек тонкий, интеллигентный и страшно нервный. Говорит, всегда ему хочется прервать клиента и заявить, что все это чепуха, а вот пусть клиент послушает про его фобии и комплексы. Особенно Петри боится быстрой ходьбы — ему кажется, что у него сразу случится растяжение левой связки, а потом он упадет и получит травму мозжечка. Поэтому он ходит, как черепаха, пряча голову в воротник и еле-еле перебирая ногами.

И вот один раз бредет Петри медленно-медленно по собственному лесу с ведрышком и мечтает о чем-то приятном. Но фобии и комплексы не дремлют, и вскоре его нежная психика начинает пугать сама себя: видится ему за кустами то волк, то медведь, под ногами — змеи, на ветках — клещи, в овраге — дедушка, который еще до войны повесился на цепочке от стенных часов. Вот сейчас дедушка выпрыгнет перед ним, взмахнет цепочкой с гиречкой и...

В общем, идет Петри все тише, вокруг все темнее и на душе у него все мрачнее, думает — дойду до поляны, ягод наберу и обратно.

И выходит на большую поляну, заросшую синей и белой ветреницей, беличьей ягодой, солнечным золотарником и пятнистой расторопшей. Птички чирикают, кузнечики стрекочут, красота.

Петри облегченно вздыхает, но вдруг справа раздается скрежет и взвизг. Он поворачивается и видит такую картину: на краю поляны два молодых человека крепкого телосложения, в темных куртках и темных шапках, пилят банковский автомат. А рядом на широкой просеке стоит машина без номеров. Петри оцепенело смотрит на них, они поднимают головы и видят его. И тоже остолбеневают.

Петри пытается думать, то бишь сообразить, что им сказать. Но ничего умного в голову, кроме: «руки вверх», «помилуйте, не оставьте моего кота сиротой» и «возьмите в долю», ему не приходит. Крепкие молодые люди тоже напряженно думают, один помахивая электропилой, второй долотом.

Ничего не придумав, мой коллега просто отступил назад и побежал со всех ног. Он бежал, как расстроенный заяц, два километра до дедушкиного дома, еле попал ключом в замок, забаррикадировал дверь комодом и лег под одеяло... А когда пришел в себя и ощутил левую лодыжку, то понял, что жив и здоров,

С тех пор Петри бежит по вечерам по центру Хельсинки, и я его часто вижу, когда хожу в гастрон.

НЕ ДОЖДУТСЯ

Рассказала знакомая учительница, с ее разрешения делюсь — случай интересный с научной точки зрения.

Учительница — дама исключительно интеллигентная, носит туфли на каблуках, шелковые блузки и блейзеры из тонкой шерсти. Говорит на правильном, даже изысканном литературном языке. Никогда ни с кем не ссорится и ко всем обращается на «Вы», даже к ученикам.

Она преподает литературу в старших классах. Вернувшись осенью на работу и увидев, что там все то же, что было весь прошлый учебный год — директриса с боцманским хриплым басом и красным носом, погруженные в виртуальный мир, хорошо знающие свои права и успешно избегающие всех обязанностей ученики, а также и коллеги, уставшие, задержанные, кашляющие и уже с сентября сорвавшие голос — увидев все это, учительница расстроилась, начала тосковать, перестала спать и решила, что непременно скоро уйдет на тот свет, потому что у нее и сердце бьется не так, как надо, и кашляет она ужасно, и руки и ноги у нее холодные, так что и заснуть не может.

Учительница перестает пить кофе, есть сахар и солить кашу. Ходит медленно, на второй этаж на лифте поднимается. Пьет валерьянку. Ничего не помогает.

Мучалась она месяц, три раза посетила врача, на третий раз врач закурил прямо в кабинете и сказал:

— Инесса Александровна, ко мне вам больше ходить незачем, я ничего у вас найти не могу, а вот запишитесь-ка вы к психологу, он вам поможет.

Учительница обиделась, но все же нашла психолога, рядом с домом, в частной клинике. Там обещали быстрое исцеление от всех проблем высоконучными методами.

Вот приходит учительница на прием и видит, что психолог — совсем молодая девушка. В брючках, свитерке, личико юное. Психологиня робко смотрит на учительницу:

— Расскажите, что вас беспокоит.

— Меня все беспокоит, — сообщает Инесса Александровна. — Больше всего то, что сердце стучит, спина болит, ноги тянет. Врач ничего найти не может... Но я все время боюсь, что со мной случится вскоре что-то ужасное... Вот решила посетить вас, надеюсь, что как психолог научно поможете мне избавиться от таких мыслей...

Психологиня печально смотрит на учительницу, качает головой и говорит:

— Какой врач у вас странный... Видно, ничего не понимает... Конечно, с вами в любой момент может случиться что-то ужасное... Подумать только — сердце стучит! Ноги тянет! Ужас какой...

Учительница изумляется и спрашивает:

— Вы, милочка, совсем дура?

Встает и выходит из кабинета. Быстро идет домой, варит крепкий кофе, бухает в чашку пять кусков сахара, пьет и думает:

— Не дождутся!

И с того дня у нее все прошло. Она по-прежнему устает на работе, но спит хорошо, ходит быстро, и страшные мысли ее покинули. Почему — науке неизвестно.

КЛИН КЛИНОМ

Один из способов избавиться от навязчивого страха — придумать что-то пострашнее. Я этот метод нашла опытным путем двадцать пять лет тому назад. В бурную сентябрьскую ночь пошла ко дну «Эстония», которую я знала под именем «Васа Кинг», когда она еще была финской и ходила из Ваасы в шведский Умео. Я много раз видела этот корабль в порту Ваасы и мечтала на нем попутешествовать. После катастрофы, ужасающие подробности которой долго обсуждали в Финляндии, я решила, что никогда не поднимусь на борт никакого корабля.

Но весной меня пригласили в Париж провести семинары. Ехать нужно было срочно. Поразмыслив, решила все же добираться на корабле и поезде, так как я немного умею плавать, а вот летать, если выпадет из самолета, вряд ли смогу.

На дневном пароме из Турку в Стокгольм я первые два часа сидела у огромного окна в ресторане и следила за уровнем воды. Потом ко мне подсел молодой симпатичный врач из Петербурга, оказавшийся патологоанатомом. Всю остальную дорогу он развлекал меня рассказами о своей работе (они заслуживают отдельного рассказа).

Когда мы добрались до Стокгольма, я была уже запугана до предела, но счастлива, что снова стою на твердой земле.

Отделавшись от веселого патологоанатома, доехала на такси до вокзала и купила билет на поезд до Копенгагена. В те годы еще не было моста через море, и мне объяснили, что поезд переедет на датскую сторону в трюме парома. Это будет ночью и займет часа три.

Страшные картины замелькали передо мной, как в кино. Я видела, как волны накрывают корабль и мы идем на дно, и рыбки всплывают в окно вагона...

Выпив для храбрости бутылку сидра, я вышла на перрон. Поезд уже стоял. В купе у меня была верхняя полка. На нижней сидела старая шведка. Она выглядела точно, как баба Яга — растрепанные седые волосы, маленькие злобные глазки и острые белые, как у кошки, зубы. Она ухмыльнулась и просипела: Хейшей!

Я сразу поняла, что это шведская ведьма ночью меня зарежет, ограбит и съест.

Забравшись на свою полочку, я закрылась одеялом и начала вспоминать свою короткую, не лишнюю приятности жизнь. Как жаль погибать такой молодой... Мне отсюда не выбраться... Сейчас меня съедят, а потом мы утонем... И вдруг ясная мысль пробралась в мою голову: если ведьма меня съест, то я не утону. А если я буду знать, что тону, значит, меня еще не съели.

Это соображение меня так развеселило, что я моментально заснула... и проснулась в Копенгагене. Шведская старушка протянула мне чашку кофе. Ее глазки светились голубым светом.

До Парижа я уже ничего не боялась. На Северном вокзале французский коллега, тюремный психиатр, очень смеялся над моим рассказом и сказал:

— Страх лечится быстрее всего другим страхом. Страдания от любви исцеляются только другой любовью, как говорят у нас в Париже.

— Да, сказала я. — Клин клином вышибают, как говорят у нас в Ижевске...

МЕТОДЫ РЕШЕНИЯ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ПРОБЛЕМ

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Одна моя коллега, брюнетка с бледным восковым лицом и красивым именем Диана, влюбилась в Эдуарда, мужа Ксюши, другой нашей коллеги. Он тоже был нашим коллегой. То есть все трое психологи. Причем, все — семейные психологи, специалисты по «выстраиванию алгоритма гармоничных отношений» в семье. Диана, кроме того, была еще и специалистом по «правильному разводу» и автором книги «Развод как безболезненно завершённый гештальт». Сама она замуж не выходила и была этим очень довольна. Ее гештальты всегда были в полном порядке.

Ксюша с Эдуардом тоже жили мирно и приятно, алгоритм в семье у них давно был выстроен до полной гармоничности. Ксюша, полная и мягкая блондинка, не умела готовить, зато покупала много готовых сырков в шоколаде и творожков с изюмом. Постепенно Эдуард сам научился варить щи и жарить котлеты. Так что в целом питание супругов сбалансировалось и доставляло обоим калории и удовольствие.

И вдруг — бац, у их коллеги Дианы случается ненормативный кризис в рамках ее социальной ситуации. Ее охватывает инсайт, то бишь внезапное прозрение и осознание, что причиной окрашивания ее эмоций в нежные пастельные тона является лицемерие усов персикового цвета и такой же шевелюры мужа Ксюши. Ей вообще с детского сада нравились блондины.

Как раз в это время, когда Диану постигает персиковый инсайт, Ксюша уезжает на два дня из Питера в Москву, на семинар «Как удовлетворенность браком меняется с течением времени?» Перед отъездом, стоя с чемоданчиком у порога, она говорит мужу:

— Ты поосторожнее с Дианой. Она сегодня на тебя смотрела, как кошка на мышку, намазанную валерьянкой.

— Ахахаха, — развеселился Эдуард, — Она в самом деле похожа на черную кошку. Всегда в черных платьях и черных чулках...

— Нечего разглядывать ее чулки, — строго заметила Ксюша. — Это может привести к неуправляемому всплеску феромонов.

— Не волнуйся, Асенька, если она на меня прыгнет, я ее проткну зонтиком.

Ксюша поцеловала его и вышла. Эдуард отправился на кухню разогревать котлету, но тут в дверь позвонили. Он открыл, и в его периферической нервной системе раздался всплеск феромонов. На пороге стояла высокая, тонкая Диана в коротком черном платье, черных чулках в сеточку и красных лодочках на высоких каблуках.

Что было дальше, мне рассказала Диана. Она утверждает, что от ненормативного кризиса не помнит, о чем они беседовали с Эдуардом, и также не знает, в какой момент и почему

куда-то исчезло ее черное платье. Она думает, что все это произошло как-то очень быстро, примерно за шесть с половиной минут. Осознание социальной ситуации вернулось к ней, когда от двери раздался громкий голос Ксюши:

— Эдик, я забыла телефон!

Эдуард моментально и объективно проанализировал социальную ситуацию, схватил Диану в охапку и засунул ее в шкаф, закрыв шубой и плащом.

Ксюша вошла в спальню и напрямик направилась к шкафу, говоря:

— И плащ возьму на всякий случай...

С этими словами она открыла шкаф, взяла плащ, поцеловала Эдуарда в щеку и удалилась. Через пять минут удалилась и Диана, а с ней и феромоны.

Эта история произошла год назад. Все трое моих коллег живут и работают по-прежнему. Диана ведет семинары «Счастливый брак: миф или реальность». Эдуард и Ксюша купили машину.

И вот недавно Ксюша спрашивает у меня:

— Скажи, что бы ты сделала, если бы вернулась домой с дороги, потому что забыла телефон, решила захватить плащ на всякий случай, открыла шкаф и увидела под шубой женскую ногу в черном чулке и красной лодочке?

— Я бы подумала, что сошла с ума и вижу галлюцинации, или что муж сошел с ума, проткнул кого-то зонтиком и спрятал тело в шкафу.

— И я так подумала, — улыбнулась Ксюша. — Поэтому ничего ему не сказала... Скорее всего, это была гипнопомпическая галлюцинация — в тот день я совсем не выспалась.

КАК ОТДЕЛЕНИЕ ОСТРЫХ ПСИХОЗОВ ЕЗДИЛО В КРУИЗ

Молодой финский коллега со своим отделением острых психозов на прошлых выходных ездили на корабле в Таллин. Он в это отделение устроился месяц назад, полгода был безработным. Кроме как школьным психологом его куда не брали, а в школу он идти не хотел. Говорил:

— Лучше я наемником пойду во Французский легион. Безопаснее...

И вдруг Юсси получает место психолога в городской больнице, в отделении острых психозов. Работа интересная, несравнимо спокойнее, чем в школе... Зарплата неплохая. Вот только начальница, главный психиатр, очень строгая. Говоря по-русски, мырма. Дама лет сорока, сухая, худая, голос прокуренный. Волосы, глаза, одежда и ботинки (туфель она не носит) — все одного сизого цвета. Если кто-то опаздывает на работу на пять минут, она после работы вызывает к себе в кабинет и прорабатывает полчаса. Хохочет сипло, как филин ухает. Все ее боятся, и пациенты тоже. Пациенты в бреду, привезенные на скорой, сразу замолкают, как только она вперится в них желтыми глазами.

Мой коллега Юсси ее очень боится и старается ей на глаза не попадаться. Тем более, что он пока находится на испытательном сроке и уволить его легко.

И вот на прошлой неделе поехали они, значит, в Таллин. Перед входом на корабль медбрат его предупредил:

— Сам видишь — обстановка аффективная. На семь медсестер, трех психологинь и начальницу нас с тобой двое. Будь осторожен! Главное, никого не провожай домой...

Про круиз и Таллин рассказывать нечего. Все прошло классически. Шесть часов пролетели незаметно, с пивом, водочкой, хохотом и танцами. Начальница с каждым часом становилась все веселее и поменяла цвет щек и глаз на бордовый. Она пригласила Юсси на медленный танец и посередине заснула. Юсси осторожно положил ее на диван...

Когда корабль причалил в хельсинкском порту, медсестры разбудили начальницу. Она заметила не успевшего спрятаться коллегу и вцепилась ему в руку сухой лапкой:

— Проводи меня домой!

Юсси перепугался. Лепечет:

— Извините, я тороплюсь... у меня... тетя приехала... из Лапландии...

— Доведи, — требует начальница. — Булеварди, сорок три. Второй подъезд. Третий этаж.

Видит мой коллега, что обстановка аффективная. Лихорадочно соображает, что делать. Выходят они с корабля, а тут трамвай. Поднимаются в вагон, двери закрываются, коллега затравленно озирается и видит, что в конце вагона дверь еще открыта... Он прислоняет начальницу к закрытой двери и говорит:

— Пойдите тут минутку, я билет куплю...

Начальница упирается лбом в дверь, а он бегом в конец вагона и выпрыгнул...

В понедельник приходит он на работу, надеясь, что начальница вряд ли вспомнит про трамвай, и что он ее не проводил. Видит — начальницы нет. Приходит она только после обеда. Под глазом огромный синяк, переднего зуба нет... Мой коллега чуть в обморок не упал от ужаса. Он сразу понял, что произошло. Трамвай доехал до следующей остановки, и дверь, в которую начальница упиралась лбом, открылась...

А начальница смеется и говорит:

— Хорошо мы в Таллин съездили! Надо будет в ноябре еще поехать...

В самом деле, не вспомнила про трамвай...

ПРОФЕССОР И ЗУБЫ

Мой друг, профессор психологии, известный психотерапевт и преподаватель одного уважаемого вуза в молодости был нервным, чопорным, замкнутым и невероятно утонченным. И таким остался в шестьдесят лет. Жена у него тоже чопорная, но властная, по профессии психиатр. Как вы знаете, психологи боятся психиатров. Друг мой жену страшно уважает и никогда ни в чем ей не перечит. Несмотря на полное подчинение, он изредка ухитряется ей изменять. До позапрошлого года все эти дамы были его возраста или старше, романы длились примерно вечер, иногда два. Как я уже сказала, он человек нервный, а жена имеет большое преимущество как в профессии, так и в весе.

И вот в шестьдесят лет он влюбляется в студентку своего факультета. Ей двадцать три, у нее золотые волосы и детская шейка. Она смотрит на профессора сиреневыми глазами сквозь очки в красной оправе и приоткрывает ротик, в котором видны белые ровные зубки. А во время просмотра историй болезни прижимается к нему коленкой. Профессор начинает делать гимнастику, перестает есть сосиски и заказывает себе новую вставную челюсть в дорогой клинике на улице Марата. В теплый майский вечер, под звуки грозы, они, наконец, объясняются.

Она говорит:

— Александр Васильевич, я полюбила вас с первой страницы вашего учебника по коморбидным расстройствам!

Он говорит:

— Надюша, вы сразу вскружили мне голову вопросом о структуре биполярности!

— Ах, — говорит Надюша, — мама сейчас на даче, придет только завтра, поедем ко мне!

Профессор звонит супруге:

— Раисочка, мой частный пациент повесился... я должен немедленно ехать к его неутешным родственникам и утешать их до утра.

Голос его звучит напуганно и глухо, и супруга, хотя и психиатр, в этот раз ему верит.

И вот профессор (в самом деле очень напуганный, хотя и счастливый) и студентка отправляются к ней домой, на Петроградскую сторону. Там они предаются восторгам, подробностями которых он мне не рассказывал. Предаются долго, почти час, после чего Надюша засыпает, крепко обхватив его рукой и ногой. Профессору не хочется уходить, тем более что жена отпустила его до утра. На всякий случай он вынимает изо рта новую вставную челюсть, осторожно опускает ее под кровать и вскоре тоже засыпает.

В шесть утра раздается звонок на его мобильный телефон. Тонем генерала на плацу супруга приказывает:

— Немедленно дай мне адрес твоего несчастного пациента. Я приеду помочь утешать его родственников...

Друг мой понимает, что ему пришел конец. Лепечет, что уже спустился в метро. Вскрикивает, натягивает штаны, чмокает студентку в детскую шейку и бежит. Он плохо соображает и, даже входя в свою квартиру, не осознает странную пустоту во рту...

— Здасствуй, Фаифофка, — говорит он.

— Где твои зубы, Александр?! — изумленно спрашивает жена.

Дальше вы можете придумать любой конец, я расскажу, что было на самом деле.

Как специалист по коморбидным и биполярным расстройствам друг мой справился с ситуацией неплохо. В обморок не упал. Жене промычал, что у него разболелся единственный зуб. Надюшу попросил найти челюсть под кроватью, чтобы не нашла ее мама, и принести в подвал факультета, в лабораторию психологии труда, где по утрам никого нет — специалисты по труду обычно просыпаются к обеду. Когда она, давясь от смеха, протянула ему челюсть в носовом платке, он гордо взял сверточек, отвернулся к стене с плакатом «Хорошо поработал — отдохну культурно!» и сказал:

— Вы свободны, Надежда... Я поставлю вам пять в зачетку...

Но студентка расхохоталась и прыгнула ему на шею. Это был самый длинный его роман — он длился месяц. К летним каникулам Надюша бросила профессора ради длинного и скучного поэта тридцати неполных лет. Но друг мой, в общем, не очень расстроился. Он остался вполне собою доволен...

ЭЛЕКТРИК ПРОТИВ БУЛЛИНГА

Моя подруга Зоя, психоаналитик, кандидат наук, была замужем за электриком по имени Шурик. Как получилось, что она вляпалась в сей мезальянс (ее выражение), объяснялось, опять же по ее словам, деструктивным влиянием синих глаз и громкого голоса ее папаша, старшего мичмана, который до десятого класса запрещал ей краситься и носить короткие юбки. Детская травма от невозможности показывать мужчинам бедра ослабила ее критические способности и привела в загс Адмиралтейского района, где синеглазый электрик надел ей на палец серебряное колечко — на золотое ему не хватило средств.

Через полгода родился мальчик Антон, с синими глазами и громким голосом... А через семь лет Зоя защитила диссертацию и развелась с электриком. Она сказала:

— Ты же понимаешь, неприлично жить с тем, кто не только не знает что такое инверсия и амбивалентность, но еще и упорно носит красные носки!

Зоя вскоре вышла замуж за Евгения Кирилловича, профессора, известного детского психолога. Автора многих книг о буллинге, инверсии и амбивалентности. Антон встречался с отцом раз в две недели, хотя коллега и не поощряла его общение с человеком, кто упорно

продолжал носить красные носки и смотреть идиотские сериалы, лежа на диване с банкой пива.

Зоя говорила:

— Ты же знаешь, отец определяет жизненные ориентиры и успешность жизненных сценариев детей. Поэтому он сам должен быть успешным и думать только об интересах ребенка. И матери его. То бишь, обо мне.

— Дорогая, — осторожно возражала я, — о тебе он, собственно, думать совсем не должен — ты живешь с другим.

— Он и не думает! Ни обо мне, ни об Антоше. Таскает его на футбол, где кроме пива и сосисок ничего хорошего. Чему может научить электрик? Посоветуй, как сделать, чтобы они поменьше общались?

Я промолчала. Через два года подруга позвонила и рассказала, что в школе над Антоном издеваются.

— Представляешь, там буллинг! Какой-то мальчик подшучивает над Антошей и подзуживает детей. Евгений Кириллович (при других она всегда называла нового супруга по имени-отчеству) составлял с Антошей список его достоинств, ну, знаешь, эффективный метод противодействия тирану, когда в тебя тычут кулаком, ты не обращаешь внимания, а думаешь «Ах! Я же такой молодец, я хорошо разбираюсь в Бетховене!» Или повторяешь мысленно: «Я бегемот, я бегемот, все обиды отскакивают от моей толстой кожи». Евгений Кириллович проводил с ним тренинг толерантности: допустим, тот мальчик плюнул тебе в лицо, а ты говоришь ему: ты такой милый!..

— И как, помогло?

— Не знаю. Представляешь, Антоша перестал разговаривать. В школу ходить не хочет...

— А Шурке ты говорила?

— Зачем? Я только-только добилась, чтобы они стали встречаться не чаще раза в месяц...

— Расскажи! Поверь мне, я тоже психолог. Расскажи!

— Ладно... попробую... хотя уверена, это бесполезно...

В тот же вечер история буллинга была закончена навсегда. Электрик за пять минут нашел номер телефона папаши обидчика, позвонил и сказал следующее (мат заменяю на приличные слова):

— Ты, гнилая редиска, если твой гнилой отросток хоть раз подойдет к моему сыну ближе чем на три метра, пусть я сяду в тюрьму, но ты увидишь, что я с ним сделаю. Усек?

С тех пор и до окончания школы никто Антошу не трогал. Он снова начал встречаться с отцом раз две недели, потом раз в неделю. Еще через пару лет Шурка открыл свою электроремонтную фирму. И к окончанию школы подарил Антону квартиру и моторную яхту, на которой тот плавает с дедом, мичманом в отставке...

Прости, подруга, написала этот рассказ с твоего разрешения, но, возможно, ты все же обидишься. И все же я не жалею, что сказала тебе тогда: «Не лишай ребенка отца! Какой бы он ни был, другого не будет».

Отец не может быть ангелом. Не должен быть совершенством. И даже не обязан иметь электротехническую фирму или профессорское звание и дарить яхты.

Он просто должен быть рядом.

ПСИХОЛОГ НА УДАЛЕНКЕ

МАЛО-МАЛО ПОНИМАЙ

На экране моего компьютера появляется нос. Не узенький такой носик, во весь экран. Говорю (по-фински):

- Добрый день! Отодвиньтесь от камеры, я вас не вижу.
- Ай? Атадинсись?
- Да, телефон ваш подальше от лица.
- Ай! Лиса!

Возникает круглое лицо с огромными черными глазами и пухлым, как большая клубника, ртом-сердечком. Глаза смотрят из-под мохнатых ресниц смущенно и грустно.

- Ты понимаешь по-фински?
- Мало-мало понимай, да!
- Расскажи о себе для начала. Откуда ты?
- Джакарта я.
- Ясно. Какие проблемы у тебя? Почему нужен психолог?
- Работа хочу. Работа нет, ай, ай. Хочу врач учить.

Говорю мягко и снисходительно, как маленькой девочке:

— В Финляндии трудно сдать экзамены на врача. Многие финны учатся на врачей в Италии, Латвии и других странах. А тебе бы нужно вначале язык финский выучить.

- Ай, ай! Я знаю! Я учить!

С длинных ресниц скатываются слезы.

— Ты бы лучше пошла учиться на санитарку. Есть такие курсы для мигрантов, там учатся два года, и язык подучишь, и профессию приобретешь. Санитарки хорошо зарабатывают.

- Но я хочу врач...

Ох, бедные эти мечтатели...

- Как ты сама-то думаешь? Поступишь? Школу среднюю закончила? Где училась?
- Я училась кедоктеран.
- Извини, не понимаю.
- Извини! Инглиш понимать ты?
- Йес, ю кен спик инглиш.

Ротик-сердечко улыбается. Уфф, может, она чуть лучше по-английски говорит...

И она говорит. На совершенном оксфордском английском.

— О, я так вам благодарна! Я только три месяца тут, а финский такой сложный! В Джакарте я закончила Кедоктеран — медицинский факультет университета. Там же защитила диссертацию по теме «Стереотаксическая визуализация в функциональной нейрохирургии».

И хлопает влажными черными ресницами...

А я вспоминаю себя в первые годы эмиграции. Со мной тоже говорили громко, отчетливо, снисходительно и с усмешкой. Судьба мигрантов. Нам кажется, что человек, говорящий на нашем языке не так хорошо, как мы — глупее нас. Увы, часто бывает наоборот...

ТРИ ДРУГА

Загорается экран. В середине экрана круглолицый упитанный дяденька с бело-рыжей щетиной на голове и в желтой майке. У него печальные глазки, короткий круглый носик и опущенные книзу уголки большого рта. Он сидит в кресле перед письменным столом, на котором слева устроился маленький бело-рыжий спаниель, а справа — огромный толстый рыжий кот. Дяденька смотрит на психолога, а спаниель и кот — на дяденьку.

— О, вижу вы вдвоем пришли на терапию...

— Да, — вздыхает дяденька, — они мои единственные друзья в холодном жестоком мире...

Из левого глаза его выкатывается слеза. Спаниель беспокойно возится, морда его распускается в печальную гримасу. Кот фыркает. Психолог пытается сосредоточить взгляд на клиенте.

— Расскажите, что случилось.

— Она оставила меня, — говорит дяденька и всхлипывает. — Уехала навсегда в Верхнее Малми.

Спаниель начинает тоненько подвывать. Кот фыркает громче, поворачивается к экрану задом и переходит к гигиеническим процедурам.

— Вы, кажется, живете в Нижнем Малми, сто метров от Верхнего. Это недалеко...

— Да! Рядом! И я каждый день встречаю ее с тем мерзким уродом в нашем гастрономе!

Спаниель в изнеможении закрывает глаза и роняет голову на стол. Кот карабкается на полку позади кресла. Психолог обреченно следит, как он, урча, лезет вверх, распутив все толстое рыжее тело на метр в длину и тяжело передвигая лапами.

— Нет, я не вынесу, — говорит клиент и заливается слезами. — Я покончу с собой! Я снова начну курить!

Кот со страшным воплем и треском падает с полки клиенту на голову. Спаниель подпрыгивает и звонко лает, бросаясь клиенту на грудь. Клиент всхлипывает и обнимает своих единственных друзей.

Психолог выключает камеру и падает головой на стол. Через минуту он умывается холодной водой и возвращается в онлайн-сессию с красными от слез глазами...

МОНОЛОГИ КЛИЕНТОВ

БАРХАТНЫЙ РИДИКЮЛЬ

— Нет, вначале я ей поверила. У нее было в самом деле знакомое лицо. Сухощавая дама с бархатым ридикюлем в руке. Этот ридикюль меня и ввел в заблуждение. Таких теперь не купишь. Она сидела на лавочке у нашего подъезда и смотрела на меня ласково, с умилением, как бабушка на внучку.

— Как ты выросла, деточка! Давно ли ты была вот такой!

Она махнула бархатым ридикюлем и продолжала:

— Я ведь тебя с рождения знала. Носила тебя на руках. Помнишь, как мы играли с тобой в прятки? И ты пряталась в шкаф, за пальто?

Да, я поверила ей. И села рядом. От нее пахло, как в бабушкином шкафу — нафталином и духами. Мы поговорили о бабушке, о чем-то еще — не помню...

Что? В самом ли деле мы говорили? Не уверена, хотя так мне казалось. Потом она встала и ушла. И когда она исчезла, я сразу поняла, что она меня обманывала. Ведь ей было на вид не больше тридцати. А мне сорок.

Испугалась ли я? Сначала нет. Поднялась к себе домой, переделалась. Согрела чай. И в это время позвонили в дверь. Я посмотрела в глазок — это была она, с тем же ридикюлем в руке.

Вот тогда мне стало страшно. Я накинула цепочку и повернула ключ еще на один оборот. Подумала, что нужно закрыть и окна на всякий случай. Но не успела выйти из прихожей, как из комнаты показался мужчина. В шляпе и пиджаке, с портфелем. Он сказал:

— Извините, я спешу, откройте дверь!

Не дожидаясь ответа, он сам снял цепочку и распахнул дверь...

Нет, больше я ничего не помню. Как меня привезли к вам? Тоже нет. Думаю, это был сон. Вы же психолог, знаете о снах. Может быть, растолкуете, к чему такое снится? Что? Не поняла. Сумочку? Бархатный ридикюль убитой нашли у меня? Этого не может быть...

ПСИХОЛОГ ДЛЯ НАСТРОЕНИЯ

Вы психолог? Вы можете мне выписать что-то для хорошего настроения? Нет? Психологи не выписывают лекарства... скажите, пожалуйста... чем же вы лечите? Только словами? За такие деньги — словами! Хорошо, давайте, поговорите со мной, чтобы у меня немедленно поднялось настроение. Чтобы я развеселилась. Подождите, дайте сначала мне рассказать. Для психолога вы много говорите. Не успела я сказать двух слов, вы уже вопросы задаете. Первая проблема: я не могу спать. Ложусь в кровать... кровать у меня стоит три тысячи долларов... очень хорошая кровать... матрас шведский... вот я ложусь в кровать и смотрю телевизор... телевизор японский 85 сантиметров... или дециметров... ну, в общем, на всю стенку... стоит две тысячи долларов... Ложусь в кровать рано, с собой беру бутерброды, шоколад, молоко... и смотрю передачи про животных. Только про животных и рыб. Если вдруг нажму на новости или на фильм какой-то дурацкий, все, конец. Не заснуть. Я всем советую смотреть только про животных. И вам тоже. Причем, только иностранный канал. Чтобы ничего не понимать...

Иногда я быстро засыпаю. Но иногда начинаю думать. Мысли крутятся... как будто рыбки с зубами... Хорошо, что больше мне не надо ездить в метро. Там за стеклами темно и сразу можно начать думать...

Что я думаю? В последний год — про бассейн. Понимаете, в нашей деревне у нас самый маленький бассейн. У Зеленцовых — семь метров. У Карауловых — на весь двор. Даже у этой разведенной Федюн — в полтора раза больше нашего. Но муж не соглашается строить новый... Говорит, я и в этом утону... Как тут заснешь? Ну, теперь слушаю. Начинайте. Веселите меня. Только предупреждаю, буду платить по результату...

ВТОРАЯ ЖЕНА

Он первый заметил жену. Разжал руки, отстранился от Кати.

— Иди сюда, Сергей!

Голос ее холоден и тих. Как будто вьюга засвистела в трубе.

— Иду, Тamarочка... Прости, что заставил ждать...

Он шагнул вперед и пошатнулся. Она ловко и крепко подхватила его под руку.

— Быстрее, мы опаздываем!

Катя смотрела им вслед. В конце аллеи Сергей опять пошатнулся и опустился на скамейку. Катя побежала к ним. Ноги не слушались, казалось, она не бежит, а плывет в тяжелой воде.

Тамара Петровна сидела рядом с мужем, цепко держа его за руки. Взглянула мимо Кати полуприкрытыми глазами.

— Чего тебе еще? Он отдохнет, и мы уйдем. Больше ты его не увидишь.

— Можно, я поцелую Серёжу последний раз? — попросила Катя и заплакала.

Тамара Петровна засмеялась, словно закашляла.

— Совести у тебя нет. Да и ума тоже. Он мой. Навсегда.

Его лоб и бледные щеки совсем рядом, но Тамара Петровна снимает с себя черный платок и закрывает его лицо.

Звенит колокольчик. Катя открывает глаза и берет телефон.

— Екатерина Васильевна? Это врач отделения реанимации. С прискорбием вынуждены сообщить, что ваш муж, Сергей Александрович, скончался час назад.

— Я знаю, — тихо говорит Катя.

Все это женщина рассказывает медленно, с выражением, меняя голос, жестикулируя, будто она стоит на сцене, а не сидит в кабинете психолога. Себя называет в третьем лице — Катя.

— Екатерина Васильевна, ваш бывший муж жив и здоров. Вы с ним расстались пять лет назад, и, как я поняла, он теперь женат в третий раз. Вы молодая, красивая, у вас впереди еще много счастья и обязательно будет новая любовь и семья. Отдохнете у нас, придете в себя. У нас лучшая в городе клиника. Будем с вами беседовать каждый второй день. Вижу, что вам назначили физиотерапию, гимнастику в бассейне, массаж. У нас тут хороший повар, еда, как дома...

— Я очень боюсь за него! Вы можете ему позвонить? Пожалуйста! Вы же психолог, умеете говорить. Скажите ему, чтобы он был осторожен. Одевался тепло. Меньше курил. Передайте от меня... привет.

— Я не могу звонить и давать советы постороннему человеку, не могу рассказывать ему о вас. Он не имеет к вам больше никакого отношения.

— Постороннему... Постороннему... Никакого... Нет... Нет...

Психолог нажимает кнопку, и появляется медсестра. В руке у нее шприц. Она ласково и крепко берет дрожащую женщину за плечо:

— Сейчас все будет хорошо.

ПУСТЬ РОЗЫ БУДУТ МЕРТВЫМИ

— Первый раз это случилось в городском саду. Она лежала на скамейке — пышная, темно-красная роза на длинном стебле. Я подошел, сел рядом и долго смотрел на нее. У меня никогда не было денег купить такую дорогую розу. Она была прекрасна — шелковые лепестки чистого алого цвета.

Вокруг никого не было. Я дотронулся до тонкого стебля. И в тот же миг в мои пальцы и ладонь вонзились острые крючки. Я отдернул руку, но когти розы крепко держали меня. Я попытался отодрать их другой рукой, цветок тут же схватил и ее своими крючками. От него шел тяжелый сладкий запах тления. По рукам моим текли струйки крови. Я наклонился, опустил розу на землю и стал топтать ее ботинками, попадая себе по пальцам. Через минуту я освободился и побежал. Жирный кровавый ошметок остался валяться на земле.

Руки я вымыл и перевязал дома. Они долго болели. Пришлось пойти к врачу, он достал острые шипы из моей кожи...

Второй раз Это явилось в виде книги. Кто-то оставил ее на окне в нашем подъезде. Вытертая серо-зеленая обложка. Заглавие все еще было видно, серебристые буквы — «Истина». Я взял книгу и раскрыл. Первые же фразы меня поразили — это были мои собственные мысли, только более ясные, выраженные красивыми, страстными словами, яркими образами. Я читал и восхищался, и улыбался от счастья, и вдруг заметил, что буквы начинают плавиться, из них тянутся толстые мягкие нити, все длиннее, как щупальцы. Десятки их уже проникли мне в рукава, за воротник, холодят шею мокрым липким тестом. Книга распухла, круглилась, как серо-зеленоватый паук. Его липкая паутина уже сдавливала мне грудь... Я закричал и бросился бежать, сдирая с себя куски паучьего теста. Я сбросил всю одежду и прыгнул в канал. Там было неглубоко. Вода смыла остатки толстой паутины, что-то я соскреб камнем...

А вчера это случилось в третий раз. Я шел по улице и увидел своего брата. Он стоял у моего дома и улыбался. Мы давно не виделись. Я обрадовался и подошел к нему. Он смотрел мне прямо в глаза, но я опустил взгляд и увидел в его руке нож...

Дальше я ничего не помню. Очнулся уже в палате, в вашей больнице. Да, возможно. Возможно, я болен, и это был бред. Но что, если нет? Что, если я увидел ее? Ту самую Истину? Мир, какой он есть? Посмотрите, вон у вас тоже красивый цветок на окне... а вдруг это не цветок, а паук или...

— Сергей Аркадьевич, вы очень много пережили в последнее время. Развод, потерю работы, ссоры с родными. Возможно, это вызвало депрессию и временное помутнение сознания. Но мир вокруг остался тем же. Он тот же самый, какой был в вашем детстве. В нем много ужасного, но много прекрасного. Розы имеют шипы, но если их не сорвать — они останутся живыми и сохраняют красоту. Книги бывают лживыми, но другие книги в самом деле пишут о правде. С братом вы помиритесь, обязательно. Он уже пожалел, что подал на вас в суд...

— Замолчите, замолчите... мне больно от ваших слов... пусть лучше будет так, как я видел. Пусть розы будут мертвыми, и книги пауками и братья — убийцами... так легче...

ПОЭТ И КРОВАТЬ

— Алле, психолОг, это я, Витёк!

— Извините... я сплю...

— Ты че, забыла меня? Витёк я! Поэт! Ты меня от травмы черепной лечила! Я ж тебе поэму дарил...

— А, Виктор... Час ночи... Как ты мой номер нашел?

— Ну, психолОг, хахаха, ты че, тоже об кровать головой долбанулась? Я ж тебе по мордокниге звоню...

— Виктор, мне завтра на работу...

— На какую еще работу? Все на удаленке шас работают. Окажи внимание пациенту.

— Ладно, говори, только быстро.

— Я стихи написал... Шас, подожди, найду, страница закрылась...

— Ты серьезно?

— Серьезные стихи. Про любовь. Мне твое мнение важно... Во, нашел! Подарю тебе бусы и щастье, стану я твоею запчастью...

Тут у меня в голове просветлело, и я выключила айпад.

А поэму Виктор Кондрашенко в самом деле подарил мне при выписке из больницы и просил при случае опубликовать, что и делаю.

Пришел домой Витёк, довольный вечеринкой,

Кровать ударила его железной спинкой

И травму черепную нанесла.

Но добрые врачи и психологи

Его все скопом ставили на ноги,

Хотя могли бы плюнуть на осла.

Теперь Витёк не пьет и не болтает чепухи,

А только пишет повести, рассказы и стихи!

РЕДАКТОР

— Да, вы правы. Депрессия у меня.. Не сплю, похудел, боюсь острых предметов... Через задний вход, по черной лестнице, вхожу и выхожу. Только через задний. Все равно ловят, на каждом углу караулят, за руки хватают, в ухо вопят: «Если вам не понравился мой текст, так и скажите! Так и скажите! Вы уже неделю молчите! Я вам семнадцать эмайллов отправил! Каждый день звоню по пять раз! Если вам не понравился мой текст, так и скажите!»

Друзей потерял... «Я думал, ты мне друг! Я думал, ты меня уважаешь! А ты восьмую часть моего романа сократил на двести страниц!»

Все пишут, все... К врачам ходить перестал... Уролог мемуары носит... Жена детективы строгает... Теща поэмы сочиняет... о кошках...

На улицу выходить боюсь... Под каждым кустом — писатели, писатели... Ночью мерещатся в окне... Кошмары вижу — из-под кровати вылезают и зубами клацают...

Что? Нет, лекарств я не хочу. Нет, спасибо, и терапии не надо. Нету решения, нету выхода... Тяжела шапка редактора... Благодарю! Благодарю! Как за что? За то, что ничего не пишете! Где тут у вас запасной выход?

Русалка — существо мифическое. В мировой культуре образ полу-женщины-полурыбы, пленяющей моряков своим дивным голосом, выглядит прекрасным и зловещим. Встреча с хвостатой прелестницей не сулит человеку ничего хорошего. Так, согласно славянским поверьям, с русалкой возможна счастливая семейная жизнь. Правда, на дне морском. И для этого коварная дева должна зачекотать своего избранника до смерти, а потом утопить.

Что же касается Вячеслава Харченко, то в его рассказе морская красавица вполне осязаема, более того, ходит по пляжу на своих двоих. Едва наметившаяся лав-стори резко прерывается, но до седых волос сохраняет человек детскую веру в чудо: вот бы все у нее сложилось хорошо, вот бы мы еще раз встретились... И жили бы долго и счастливо. И умерли бы в один день. А герой рассказа хоть и выглядит по людским меркам состоявшимся, все тоскует по сказке... Здесь речь идет даже не о том, что идеала не бывает, а о том, что у каждого из нас в душе гнездится стремление к нему. Хотя история и выглядит сюрреалистичной, эта тоска по светлому, большому чувству сочится из каждой строки, вызывает к сочувствию читателя.

А рассказ «Черный камушек» пропитан светлой грустью. Встретились двое, впору вспомнить прошлое, а там, глядишь — «перезагрузить» отношения... Но не случилось. Почему? Да как-то все нескладно получается, и черный камушек — мрачноватый символ — теряется. Мы даже не знаем, как он называется — агат или сердолик, и это напрягает. Что за камушек, чем все закончится, неужели ничего не выйдет. Хотя подспудно уже знаем концовку рассказа, до последнего думаем, что безымянный минерал отыщется... О несбывшемся герой Вячеслава Харченко не тоскует, а одно-единственное символическое действие заменяет несколько абзацев пространных размышлений: «Я поднял черный камушек с пола и бросил его в море, потом достал смартфон и набил Нюте в ватсапе, что не нашел черный камушек». И все. Чуда не случилось, тонкая мистическая связь между мужским и женским персонажами оборвалась, так и не успев начаться. Да и как она могла возникнуть? Для этого нужно бережное отношение друг к другу, которое проявляется в мелочах.

Кстати, приморский город, в котором обитают персонажи Вячеслава Харченко, тоже назван красиво и расплывчато: Южный город. Вообще-то, имеется в виду Алушта — название мы легко угадаем по номерам троллейбусных маршрутов. Но что такое реальный топоним? Это жесткая привязка к месту действия. Испаряется очарование художественной прозы, универсальность, свойственная юмористическим рассказам или долгим разговорам «за жизнь». Если герой идет с племянником на рынок — это про Алушту. А «Южный город» — это простор фантазии, поэтому, вспоминая о былой любви, конечно, лучше завуалировать, где это было. Помните знаменитую комедию, в которой закадровый голос сознательно не говорит, куда приехал главный герой, потому что такая

история могла случиться в любом другом горном районе? Так и здесь: не все ли равно, где, когда, зачем?.. Главное — что удалось сохранить в памяти.

Читая короткую прозу, мы в своей голове достраиваем варианты развития событий: что было до того, как нам рассказали историю, и варианты того, что могло случиться после того, как автор ставит финальную точку. Мы догадываемся, что маленький племянник его героя не будет читать пухлый том «Незнайки на Луне». Достраиваем историю Славы и Кости из миниатюры «Февральский миндаль» до логического завершения — рано или поздно они сварганят отличное вино. Спокойны за судьбу яблонь из рассказа «Соратники» ...Это содействие, скажем так, ментальное соавторство вовлекает читателя в книгу: не успеешь оглянуться — а уже — бац! — заключительный рассказ. Если учесть, что рассказы во многом автобиографичны, и место действия статично, перед нами разворачивается вполне обычная жизнь, но это повседневная жизнь незаурядного человека. Во-первых, он писатель. Во-вторых, философ и мыслитель. В-третьих, способен резко изменить свою жизнь — переехал жить к теплому морю. И, что замечательно, не потух в нем интерес к жизни, а к себе он относится с изрядной долей самоиронии.

Повествуя о сугубо бытовых вещах, будь то сцена на рынке (поиск спортивного костюма) или обучение племянника игре в шахматы, в каждой частной вещи автор подводит читателя к высокому смыслу — как данного события, так и осмысления жизни в целом. Герою Вячеслава Харченко хочется сопереживать, поскольку мужчина он умный и склонный к рефлексии. Анекдотичная, на первый взгляд, ситуация — в ателье не взяли на починку старые брюки — приводит мужчину к неутешительным выводам. Контраст между философскими размышлениями героя о тщетности всего сущего и невозможностью осуществить мелкий ремонт одежды встречает у читателя понимание. А между строк — и сожаление об ушедшей юности, и одиночество героя, и невозможность красиво выйти из данной ситуации, «сохранив лицо»: «Это было поражение. Когда вы живете в одном доме с котом, то любая ваша одежда, как ни старайся, как ни чисть ее, все равно будет в кошачьей шерсти, хотя бы одна-две ворсинки. Я не стал больше спорить. Я пристыженно собрал штаны и пошел домой. Шел и думал: “Вот в 18 лет мне молодые девушки не отказывали, а сейчас хоть заулыбайся. Все тлен”».

Чтобы создать короткий рассказ, автору нужна наблюдательность. Внимание к мелочам проявляется у Вячеслава Харченко в каждом тексте, но особенно ему удаются те, в которых автор погружает читателя в яркие эмоциональные состояния, связанные с близкими, будь то забота о маме или тревога о пожилой соседке. Короткая история «Зина» — одна из самых ярких. Старушка возвращается из больницы и в энный раз, указывая пальцем на кота, спрашивает у соседа: «Это кот или кошка?». И сколько же тепло-го чувства, сколько радости вызывает у него этот простой вопрос: «“Кот, кот!” — радостно закричал я. Потом поднял своего кота с земли и дал Зине его погладить. Коту не понравилось, но что уж тут делать».

Заключительная часть короткого рассказа призвана завершить историю, а оттого должна быть как минимум небанальной. Так, например, история о сбежавшем коте могла бы завершиться шумным выяснением отношений после дружеской подначки: «— Даааааа, стар ты стал, Слава, — сказал Костя, — даже коту вломить не можешь». Мы ожидаем перебранки, переходящей в легкую потасовку, но вместо этого неожиданно получаем подтверждение сказанному: «Мы все помолчали и продолжили пить пиво. Кот немного покрутился у наших ног и пошел спать. Мы еще немного попили пиво и тоже пошли спать». Тишь да гладь. Вот и запомнился текст читателю, вот и добился автор своего. И так — на протяжении всего сборника. Непродолжительные события завершаются оригинальной концовкой:

«Мне кажется у автобуса, ходящего не по расписанию, была бы небольшая, но устойчивая потребительская страта». Авантюризм гипотетического водителя антирейсового автобуса и удивляет, и вдохновляет читателя: надо же, мечтает, ишь, до чего додумался!.. Между тем, практика показывает, что кажущиеся нелепыми товары и услуги приносят своим изобретателям немалую прибыль. Например, большим спросом пользуется «шампанское для собак», котокафе, аренда домашних животных...

Короткий рассказ — это широкие возможности для проявления авторской индивидуальности. При этом позиция автора на нас не «давит». Оценку излагаемым событиям мы даем сами, что называется, в меру собственной критичности, динамичные диалоги не дадут нам заскучать. Книга Вячеслава Харченко «Русалка» — сборник маленьких историй, которые удивляют, вдохновляют и надолго остаются в памяти читателя.

Ольга ЕФИМОВА

**Николай Хлестов. Лестница.
М.: «Вест-Консалтинг», 2024**

Книга Николая Хлестова уже нашла дорогу к своему читателю. «Лестница» — это расширенная версия сборника «Нетерпеливый шаг тени», в которую добавлены произведения последних лет, в том числе, ранее не опубликованные стихотворения. Поэтическая рефлексия в комическом жанре сочетается с философской лирикой, а образ лодки, плывущей по течению, настраивает нас на созерцательный лад:

Мне нравится моя неволя.
Ласкает ветер лунный след.
Воды неведомая доля,
Быть может, лучше всех побед.

Кроме того, эта метафора намекает и на то, что мир в последние несколько лет стремительно меняется. Особенно остро мы ощущаем неопределенность в ситуациях, когда нам не хватает информации, мы не знаем, как нужно вести себя, когда что-то произойдет, когда неясно, чего ожидать не только от далекого будущего, но даже от завтрашнего дня. В таких обстоятельствах проще всего отпустить весла и довериться течению: куда-нибудь да выведет, ибо лучше сохранить силы, отпустив ситуацию, чем хаотично грести до изнеможения.

Что касается юмористических миниатюр, то автор «замахивается» на самого С.А. Есенина. Знаменитая строка «Лицом к лицу лица не увидать...» стала эпиграфом к шутливому тексту, посвященному шумному застолью с традиционно русским финалом:

Теперь лежу лицом в салате я,
На расстояньи мучаюсь вопросами.

Нет, а что такого? Бывает. Человек под воздействием алкоголя ведет себя нелогично. Да и кто может быть более парадоксальным, чем существо, объявившее себя «венцом творения», но под воздействием спиртного принимающее столь неудобное горизонтальное положение?.. Эта ситуация, сильно бьющая по самолюбию лирического героя, тем не менее, не останавливает его попытки постичь глубокие философские вопросы. В незапланированной косметической процедуре в данном случае нет метафоры: автор подает нам это обстоятельство как соединение духа с материей, отчего вопрос о том, что можно рассмотреть лицом к лицу, считается закрытым.

А если серьезно... Все остальное в книге — очень непростые произведения, рассуждения на темы, которые трудно описать в двух словах. Речь идет не только о политике, будь то ущербность социалистического строя (повесть «Нетерпеливый шаг тени»), либо поворотный период в истории России (сценарий фильма «Три»), но и о том, что для молодого поколения — сухие строки учебников по истории. Например, Великая Отечественная война. Это уже было как будто не с нами. Этим и объясняется недоумение мальчика, героя рассказа «Та война», который «припер к стенке» ветерана с просьбой рассказать о военном времени: «Я же пытался добиться полноценного рассказа о битвах. Но ветеран был скуп на слова, и все мои попытки разговорить его оказались тщетными. В семь лет мальчишка хочет услышать о боевых подвигах, а тут „мне повезло, что ранили и война для меня закончилась“. Что хорошего?». Ребенок еще не понимает, что произошло, для него боевые действия — это подвиги и победы. Яркие события и, конечно, медали за личные заслуги. И как

здорово, что Николай Хлестов в этом рассказе поднимает столь важную тему и отвечает в доступной для маленького ребенка форме на этот наивный вопрос: отчего ветераны не любят вспоминать прошлое? Простыми словами: «Ты любишь вспоминать, как тебя кто-нибудь хорошенько поколотил»? А ведь, по сути, он прав. Никто из реальных участников военных действий не любит об этом рассказывать, дабы не воскрешать в памяти то чувство, которым пропитаны военные будни. Это запах войны, постоянное чувство страха и ощущение близкой смерти. Гибель товарищей. Грязь. Самая кровопролитная война в истории нашего государства отразилась на судьбе как всей страны, так и каждой отдельно взятой семьи. Для нас, детей и внуков тех, кто воевал, Великая Отечественная — не рассказ из школьного учебника, а часть истории рода. Нежелание говорить о пережитом объясняется просто: это нужно оставить в прошлом, чтобы не сойти с ума и продолжать жить. Свой рассказ автор завершает вопросом, от которого становится не по себе: «Трудно представлять войну. Все меньше тех, кто помнит, как это было, кто пережил это сам. Наверное, поэтому для кого-то война перестает быть страшной? Вот это-то и страшно. А вам не страшно?». И как же печально звучат слова стариков, к сожалению, снова ставшие актуальными: «лишь бы не было войны...»

Рассказ «Зубная щетка» кажется нам легким, поскольку речь идет о маленьком происшествии, очень личном, но для главного героя весьма волнующем. Казалось бы, дело житейское: ну потерял молодой человек зубную щетку, зачем об этом так подробно рассказывать? Однако при прочтении нам становится ясно: не в щетке дело. Это история о взрослении, о том, как маленькая неприятность может «выбить из колеи». А для советского студента стажировка за границей — событие крайне волнующее, и любая мелочь способна подпортить начало большого пути: «Уже потом до меня дошли разговоры о моем приезде: студенты ноне приезжают на практику на такси. Мне часто шуточно напоминали об этой выходке, но я не обращал внимания. Мне казалось, что напротив — этот занимательный эпизод придает моей стажировке определенный шарм. Иначе могли бы — не дай Бог — догадаться, что этот кульбит был вызван банальным страхом неведомого».

Отдельно хочется остановиться на сценарии документального фильма «Три»: эта история со стороны кажется чуть ли не комедийной: журналисты запутались в аббревиатурах (на этом построена фабула истории), осаждают ни в чем не повинную контору. На глазах у людей творится история, а они озабочены своими проблемками. У кого-то разразился семейный скандал, кто-то думает, как из этих событий свою выгоду извлечь, кто-то просто под шумок мечтает сбежать с работы: «На лестнице они увидели Молодцова, возбужденно выступавшего перед коллегами. Могли ли они догадаться, что это возбуждение было особенным в связи с тем, что он тоже только что видел целующихся Диму и Леру? Отчаяние его непонятой души, возбуждение от пережитого у Белого Дома, ощущение надвигающейся неведомой, новой жизни — все это ударило словесным потоком по разбросанному сознанию сотрудников».

Как известно, в августе 1991 года при «подавлении путча» погибли три человека. Их оплакивала вся страна. Они похоронены на Ваганьковском кладбище. Многие ли сейчас вспомнят их имена?.. Николай Хлестов с горечью констатирует, что фамилии молодых людей ныне забыты. Что же тогда случилось? Заведомо провальная попытка государственного переворота или последний шанс спасти СССР? А обычные люди как жили, так и продолжают жить, не осознавая того, что на их глазах творится история... Книга Николая Хлестова, выпущенная в новой редакции, все так же ставит перед читателем неудобные вопросы, на которые найдется немало ответов, подчас противоречащих друг другу: сколько

людей — столько и мнений. Важно то, что этот сборник напоминает нам о вещах, которые мы в суете повседневности упускаем из виду.

Вера КИУЛИНА

**Сергей Попов, «Прямая наводка»
М.: «Библиотека журнала "Дети Ра"», 2024**

Для ведения огня прямой наводкой необходимо, чтобы наводчик видел цель. Это означает, что между ним и целью не может быть никаких препятствий. Ничего лишнего, ничего личного — бей, или убьют тебя. Во-первых, это требует мужества, а во-вторых, «холодной» головы. Видеть реальность и быть готовым к прямому ответному огню со стороны цели — это не на диване валяться, с умным видом комментируя фронтовые сводки...

Имя Сергея Попова хорошо известно читателям. В тридцать четвертую книгу поэтической серии «Библиотека журнала „Дети Ра“» вошли преимущественно новые стихотворения воронежского поэта. Название книги отражает примету времени — далеко не в «тучные» годы она вышла из печати. Сейчас перед нами стоят серьезные задачи: выжить и остаться людьми. Потому так силен в этой книге мотив сожаления о скоротечности жизни.

Стрельбу прямой наводкой предваряет тщательная разведка, осуществляемая командиром. Просто так не пальнешь: цена ошибки слишком велика. Так и автор, употребляя то или иное слово, тщательно взвешивает ожидаемые результаты. В своих стихотворениях (большинство из которых — глубокие и довольно объемные образцы философской лирики) поэт использует приемы, правомерность применения которых решается не только обращением к словарю. Так, например, в печальном стихотворении о минувшем Абсолют уменьшается до размера постороннего наблюдателя. Он отнюдь не всесилен — маленький, смотрящий вниз не как Бог, а как человек:

Подозревал, что бог следит с балкона,
когда к подъезду шпарил от угла,
где на шестом еще во время оно
слепая радость с присвистом жила.

В советской литературе написание слова «бог» не имело вариантов. Со строчной, и точка. Сегодня государство не является атеистическим, оттого вопрос употребления этого слова весьма сложен. Оно зависит от контекста. В данном случае, намеренно обращаясь к прошлому и желая подчеркнуть мимолетность ушедшего момента, поэт использует строчную букву намеренно, что создает яркий художественный эффект. И тревожно читателю становится, подспудно страшно: если сакральное слово низведено до бытового уровня, на что же (или на кого?) нам уповать?.. Лишь слово «улыбка» в последней строке стихотворения — промельк радости жизни, перед которой бессильно неумолимое течение времени.

Впрочем, в этой книге находят свое место и весьма жесткие вещи. На строгий суд читателей поэт выносит жизнь в самых неожиданных ее ракурсах, в том числе и неприглядных, хотя и облагороженных:

Но все-таки крылья, продравши глаза,
нет-нет да увидишь в проеме,
где горлом забвенья идет бирюза
и кровь цепенеет на стреме.

Просторечное выражение, не свойственное литературной речи, соседствует с понятием, священным для любой человеческой культуры. Кровь — носитель энергии жизни. Кровопускание при обрядах всегда проникнуто смыслом, да и медицинские манипуляции, связанные с кровью, как правило, нацелены на помощь организму в целом. Когда человек утрачивает веру в любовь, его кровь густеет. Это характерно для мрачных, чересчур серьезных товарищей, нацеленных на карьеру. Выходит, чтобы увидеть крылья, стоит хотя бы на минуточку «ослабить хватку», прекратить сдерживать себя?..

Доминирующее в поэзии Сергея Попова философское начало настраивает читателя на серьезный лад. Основная профессия автора — кардиолог, поэтому о сердце с научной точки зрения он знает почти все. И то, что густая кровь плохо снабжает сердце кислородом, и тот антинаучный факт, что разочарования в любви можно вылечить через прощение. Правда, последнее обстоятельство мы читаем между строк: это противоречит доказательной медицине. Между рациональным и эмоциональным в этой поэзии нет равновесия. Лирический герой Сергея Попова иногда на редкость рассудителен:

Понимаешь — рядом слеза и только —
и не рядом, а в глубине порядка,
где сердечных камер противотока
гробовая радость слепа и кратка.

Зловещий оксюморон «гробовая радость» изображает непостижимое человеческому пониманию противоречие, умышленно используемое автором для привлечения внимания читателя. Мощный экспрессивный потенциал высказывания обескураживает нас: обычно «гробовой» бывает тишина, а тут — полное отсутствие логики... Но если взглянуть на эту строку не механически, а с точки зрения христианина, то все становится на свои места: для христианина смерть становится точкой отсчета. Это возможность обрести вечную жизнь, а раз впереди вечность — стоит лишь радоваться завершению земного пути. И главное в этом словосочетании — существительное. Лирический герой Сергея Попова как бы уверяет нас: да нет же, я материалист, вот вам и контекстуально крохотный «бог», и показушно одномерное течение жизни из прошлого в будущее. А нарушение логического закона высвобождает энергию: логическое мышление уступает эмоционально-образному, и «рацио» выпускает из своих цепких лап чистую поэзию:

И слова на ветер выходят боком —
головным распадом, грудным разрывом...
И любовь в неведении глубоком
разрушает время над мелким Римом.

Что же из этого следует? Чаша весов склоняется в сторону живого слова, идущего от сердца (отнюдь не в прямом, анатомическом значении данного слова). Мучительно переживаемое чувство бренности этого мира рождает ровный сдержанно-описательный тон, который выдержан на протяжении всей книги. Однако эта дистанция по отношению к описываемым событиям нет-нет да и сократится за счет динамических глаголов. Это не только не лишает стихотворения объективности, это делает их живыми, по-настоящему близкими читателю:

И с первопричиной сплошной слепоты
помимо рассудочной мути
вчера́шняя кровь переходит на ты,
пульсируя в каждой минуте.

Такое может написать только человек, равнодушный к происходящему вокруг. Лирический герой Сергея Попова не ищет понимания в горестной бесчеловечности сегодняшнего общества, однако, вопреки всему, обращается к отдельным членам социума, практически становясь гласом вопиющего в пустыне:

Впрочем, пока что все мы живем сегодня
или уже как будто бы не живем —
лишь уповаем вскользь на крыла господня
над настоящим выгоревшим своим.

Да хоть «вскользь», главное — хоть на что-нибудь уповать. Иначе — хаос, безверие, отчаяние и полное отсутствие понимания: куда двигаться, как жить достойно эту жизнь в условиях тотальной «перетряски». Чисто религиозное чувство в этой книге мы редко встретим, зато критическое — у автора обострено до предела. Когда же встречаются строки, хотя бы отдаленно соотносящиеся с христианским вероучением, они выскакивают из-под пера поэта с беспощадностью пулеметной очереди:

воскреснут все кто в списки занесен
и кто пропущен в силу недогляда
и если смерть всего лишь краткий сон
ее ничем оправдывать не надо

Выпалив практически на одном дыхании однозначное суждение о неизбежном, автор не ставит финальную точку — не нужны здесь ни точки, ни запятые. «Прямая наводка» — книга о том, что и от нашего сердца, и от разума требуется многое для того, чтобы встретить смертный час достойно. Как говорится, «жизнь прожить — не поле перейти».

Ольга ЕФИМОВА

«Зинзивер»
(Санкт-Петербургский литературно-художественный журнал)
Издательство «Вест-Консалтинг»
(генеральный директор Евгений Степанов)
Бумага офсетная
Печать офсетная
Тираж 500 экз.
Сдано в набор 15.08.2024
Подписано в печать 26.08.2024